

Ж. ЖУМАКАНОВ

МОЯ
ЧЕРНОГЛАЗАЯ
СЕСТРА

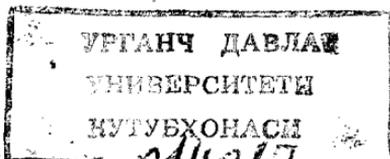

РАССКАЗЫ

Ж. ЖУМАКАНОВ

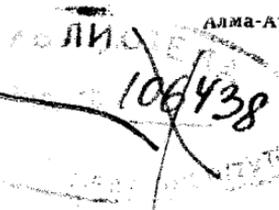
МОЯ ЧЕРНОГЛАЗАЯ СЕСТРА

РАССКАЗЫ

КАЗАХСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Алма-Ата — 1984

Жекеп Жумаханов известен читателю как автор нескольких сборников рассказов и повестей. Он родился в Абаевском районе Семипалатинской области. В 1938 году окончил Казахский институт журналистики и все эти годы работает в редакциях газет и журналов республики.

Жизнь, труд, духовный мир советских людей, их героические подвиги в Отечественной войне — вот темы произведений Ж. Жумаханова.

Есть в книге и маленькие вещи сатирического и юмористического плана.

Все рассказы интересны по сюжету, написаны взволнованно и убедительно.

«Моя черноглазая сестра» — первая книга Жумаханова на русском языке.

НЕНАПИСАННАЯ КНИГА

Дорожная скука меньше тяготит, когда под рукой хорошая книга, а в купе — в меру разговорчивый сосед. Но не будучи уверен в занимательной и необременительной компании, я еще дома запасся объемистым романом и сейчас, лежа на полке, с увлечением читал.

Временами я забывал, что еду в поезде — не слышал стука колес, не замечал покачиваний вагона. Но там, где в книге замедлялось действие и писатель скучно философствовал, я волей-неволей пропускал строки, ощущал затекшую от долгого лежания спину и, листая страницы, бросал изучающий взгляд на соседа. И — странное дело — постепенно интерес к роману стал угасать, а желание заговорить со спутником росло все больше и больше.

Это был пожилой казах с мужественным и на мой взгляд красивым лицом с синеватыми точками от порохового ожога. Я уже заметил, что спал он мало, вставал бодро, без ленивых потягиваний и зевков. Всю дорогу я не слышал его голоса. Седоголовый, с немного косым плечом, он часами сидел у окна и долгим прищуренным взглядом смотрел на степь.

Я захлопнул книгу и встал, не зная, с чего же начать разговор. Сосед обернулся спокойно взглянул на меня

— Не понравилась, — сказал он утвердительно, указывая на книгу кивком головы.

— В общем ничего, но много фальши. Какая может быть любовь у людей преклонного возраста?

Он уткнулся и сказал с прежней утвердительностью

Может.

— М-да. По-вашему, конечно. Да, вероятно, делывали такую любовь? — вежливо, чтобы загладить свое опрометчивое восклицание, спросил я.

Он еще раз молча глянул на меня и отвел задумчивый взгляд в окно. Я понял: да, мой спутник знает, что такое любовь. Выждав несколько мгновений, достаточных для того, чтобы рассказчик настроился для спокойного душевного разговора, я выразил свое искреннее желание послушать его рассказ, но прежде спросил, как зовут моего уважаемого соседа.

— Зачем? Ведь мы же не сватаемся, — сказал он с легкой усмешкой. — Лучше я останусь безымянным рассказчиком.

— Казахская пословица говорит: «Лучше знать одного по имени, чем тысячу в лицо».

— Оказывается, ты знаешь казахские пословицы. Но ты забыл добрый обычай наших предков — знакомиться с попутчиком, где бы ни был. Ты уткнулся в книгу и вторые сутки прячешься от меня в страницах. Не обижайся, я говорю с тобой как старший.

Он помолчал и миролюбиво закончил:

— Меня зовут Болатбек Байжигитов, я из Шаульдера.

Зеленые холмы, не отставая, мчались за поездом. Размерно мелькали телеграфные столбы. На верхушке одного из них сидел ястреб. Он распускал размашистые крылья, готовясь взлететь. Болатбек обернулся ко мне:

— Значит, ты хочешь послушать о любви?

— Пожалуйста, мне будет очень интересно! — воскликнул я.

— Вряд ли ты захочешь слушать, как полосовали спину розгами, как ломали ребра пинками... А ведь все это из-за любви. Из-за большой любви к родине, где живут

дкие дети, друзья, красивые женщины. Ты читал одну книгу. Хорошо. Теперь послушай другую, ненаписанную книгу.

Семь лет я провел на чужбине. Кто не расставался надолго с родным краем, тот не поймет, что значит провести семь лет на чужбине, даже в хороших условиях, а не в заточении.

Когда окончилась война и советские военнопленные стали возвращаться домой, правительство Западной Германии, тайно, как преступников, оставило нас в своей зоне в секретном лагере. Нас называли преступниками только за то, что мы защищали свою родину. В сорок третьем году, в бою под Харьковом, я потерял ногу и попал в руки немцев. Меня отправили глубоко в тыл, переводили из одного лагеря в другой. Немцы любят порядок. Все фашистские лагеря содержались в порядке, от которых волосы встают дыбом при одном воспоминании о них. Однажды ночью, сделав подкоп, мы бежали из лагеря около Штеттина. Под Данцигом нас настигла охрана с собаками. С того страшного дня мое плечо осталось изуродованным на всю жизнь.

Лицо Болатбека стало угрюмым, складка на переносице еще больше углубилась.

— После того как окончилась война, мы, двенадцать «преступников», работали на лесопилке в секретном лагере, в имении одного потомственного барона под Гамбургом. До нас дошли слухи о том, что организован Советский Комитет, который занимается розысками русских военнопленных и возвращает их на родину. Как ни строго следила охрана, нам удалось через сочувствующих немцев переслать письмо в Комитет. Мы написали свои фамилии и имена и просили помощи.

Изо дня в день тянулась мучительная жизнь. Одиннадцать человек с утра до ночи пилили бревна, а двенадцать

~~И белорус Карпович из деревни под Оршей, лежал в~~
баракe, мокром от сырости и зимой и летом. Он харкал кровью и уже не мог встать на ноги. Утром, перед выходом на работу, мы брали его под руки, водили в туалет, поправляли жесткую постель, кормили жидкой похлебкой и снова укладывали на нары. Врачей не было. Умерших просто вычеркивали из списка и увозили из лагеря. Когда-то нас было много, сотни. В живых осталось двенадцать...

Вот так протекала жизнь. Мы были однополчане с Карповичем, ровесники и друзья. Наши нары стояли рядом. Однажды ночью меня тихонько разбудил Карпович.

— Болатбек Байжигитович, поднимись на минутку, — попросил он слабым голосом.

Я вскочил с постели, нагнулся над ним.

— Приподними меня, пожалуйста... Поговорить хочу с тобой.

Ступая босыми ногами по холодному полу, я зажег лампу, вернулся к товарищу и сел рядом. Когда я взял его за плечи, мне стало жутко — одни кости! Бледный, как бумага, заросший до самых глаз, он попросил меня пить. Я подал фляжку. Карпович отпил несколько глотков и слабым голосом заговорил:

— Если наше письмо попадет в Комитет, вас выручат, и вы все вернетесь домой.

— Дай бог, но только не думай, что мы тебя оставим здесь.

— Нет, нет, меня не считайте, — медленно подала он. — Сегодня днем я несколько раз терял сознание... Возьми вот это письмо и сохрани его в надежном месте.

И он передал мне солдатский фронтовой треугольник.

— Под Оршей, в деревне Калинковичи, у меня жена Евдокия Николаевна... Дуся... И сын Петя. Я посчитал.

Ему сейчас пятнадцать лет. Передай письмо. Утешь их, успокой... Пусть Дуся выйдет замуж за хорошего человека и передашь, а потом домой поедешь... Ладно?

— Не говори так, Карпович! Настанет день освобождения, мы тебя на руках донесем до родины. Там хорошие врачи, тебя сразу вылечат.

— Меня не будет в живых, — твердо сказал Карпович и закашлялся.

Я не знал, как мне поступить сейчас — взять письмо, значит смириться с мыслью о смерти друга, отказаться — значит обидеть его в тяжкую минуту.

— Передай! — упрямо сказал Карпович и сунул мне письмо. — Передай. А теперь ложись спать... Завтра тебе на работу.

Вот так протекала жизнь. Однажды начальник лагеря, красноглазый немец капитан Эслер приказал нам перебраться в другой барак. Мы начали укладывать свои постели, но Эслер приказал их не трогать.

— Оставьте здесь!

Мы подняли на руки Карповича и пошли в новый барак. Это был светлый высокий барак с крашеным полом. Вместо полосатых арестантских халатов нам выдали новую одежду и чистую постель. В этот день, впервые за несколько лет в супе появился жир. Мы терялись в догадках — в чем дело?

— Не купят, — хрипло твердил Карпович. — Не заменят родину!

Вскоре красноглазый капитан сообщил нам, что через два дня в лагерь приедет человек из Комитета русских.

А утром на заре умер Карпович.

Болатбек, вспоминая об этом, побледнел и тяжело вздохнул. Казалось, он и сейчас видит перед собой умирающего однополчанина.

— А потом? — жадно спросил я.

— Потом нас, одиннадцать человек, передали в распоряжение молодого советского майора.

Мрачные складки на лице рассказчика разгладились, взгляд потеплел.

— Когда-то один мудрый старец спросил у юноши — есть ли у него родственники? — Их много, — ответил юноша. — А есть среди них человек, который смог бы тебя найти, если бы ты потерялся? — спросил старец. Юноша подумал и ответил: — Сомневаюсь. — Тогда у тебя нет настоящих родственников, — заключил мудрец.

Молодого советского майора, который искал и нашел нас, в душе я считал своим сыном.

Мы поехали домой, на родину.

В сорок первом году, когда я уезжал на войну, моя жена Нургайша осталась беременной. На фронте я постоянно получал от нее письма. В одном из них она писала, что родила сына и назвала его Амандыком. Вскоре Нургайша прислала мне его фотокарточку — маленький Амандык едва сидел в детском креслице. И все. Больше я не получил от них ни весточки, не услышал о них ни слова и не знал — живы они или нет.

Майор принял каждого из нас, подолгу беседовал, рассказал о семьях, о делах в нашей стране. Вести о семьях были разные — и радостные, и печальные. Одни выходили от майора со слезами счастья, другие со слезами горя. Но сознание того, что мы едем на родину, как-то утешало каждого.

Когда подошла моя очередь идти к майору, я очень заволновался, — что он скажет мне, хорошее или плохое?..

Майор приветливо улыбнулся мне и прежде всего предложил сесть. Потом спросил, есть ли у меня родные.

Я назвал Нургайшу и Амандыка. Фотокарточка сына, бережно обернутая в плотную бумагу, была защита в моей

гимнастерке. В минуту тяжелых мучений и невыносимой тоски я распарывал шов, вынимал фотокарточку и долго смотрел на нее со слезами на глазах. Перед моим мысленным взором вставал образ сына, я видел, как он вырос и стал похож на меня. Я мечтал о встрече с ним, о том, когда смогу обнять его, посадить на шею, поиграть с ним.

И сейчас я достал карточку сына и показал майору.

— Амандык жив, здоров,— негромко сказал майор и как-то странно замялся.

Я ждал, чувствуя, как растет и растет тревога в моем заколотившемся сердце.

— Ваша жена в сорок пятом году скончалась,— тихо сказал майор.

Глаза мои застлала туманная пелена, я не видел ни майора, ни комнаты, ничего вокруг. Кое-как преодолев слабость, спросил о сыне, где он сейчас живет.

— Он живет в своем родном ауле. Его воспитывает колхоз.

Я поплелся к выходу, еле переставляя ноги...

Вскоре мы вернулись в родную страну. Я не сразу поехал к себе в Казахстан. По долгу воина я обязан был выполнить предсмертное желание боевого товарища.

Я сошел с поезда на маленьком разъезде неподалеку от Орши. До Калинковичей было недалеко, и я пошел пешком. Я наслаждался чудесной природой, шел по зеленому полю, мимо холмов, мимо тихого зеркального озера, мимо небольшого леса с грибами и ягодами. Солнце уже клонилось к закату, когда вышел на широкую деревенскую улицу. Возле одного дворика пожилая женщина в пестром переднике сгоняла кур. Я спросил у нее, где живет Евдокия Николаевна Карпович.

— Евдокия Николаевна? А вы кто ей приходитесь?

— Я товарищ Карповича по войне.

— А-а! Дуся вышла замуж за другого. Она получила известие, что Карпович умер в сорок шестом году в Германии. И вот... сейчас живет в Орше.

— Нет, неправда! Карпович умер всего месяц назад. Он умер на моих руках и просил передать жене поклон и письмо.

Женщина горестно покачала головой и задумалась.

— Здесь живет двоюродная сестра Карповича. Во-он, в том доме на взгорье. Ее зовут Панна... А письмо жене можно направить по почте.

Я ушел, негодуя и злясь, будто моя собственная жена ушла к чужому.

Наступили сумерки. Я даже не знал, где мне придется ночевать сегодня. На всякий случай решил зайти в домик на взгорье и рассказать о судьбе товарища. В молчаливом раздумье я подошел к этому домику и увидел во дворе молодую женщину в красном платье. Она колола дрова, и получалось у нее очень плохо, видно, топор был тупым. С каждым взмахом топор попадал по разным местам и только испещрял полено. Рядом стоял холодный самовар.

Женщина была белокурая и высокая. Прежде чем занести топор, она закидывала длинную косу за спину и сгибалась, и выпрямлялась, подобно молодой иве под ветром.

— За что вы мучаете дрова? — спросил я шутливым тоном.

Женщина снова откинула косу, оглянулась на меня и тоже ответила шуткой:

— Не я их мучаю, а они меня.

— Так дрова не колют, — продолжал я.

— А как колют!..

Через пять минут я наколод столько дров, что хватило бы вскипятить три самовара. Пока я старательно складывал чурочки в пирамиду для просушки, женщина ушла в комнату.

И когда она снова появилась передо мной, я вспомнил народную поговорку: «Мужчина служит зеркалом, перед которым женщине всегда хочется прихорашиваться». Она повязала синюю косыночку, длинные косы пышно собрала на затылке и стала очень привлекательной.

— Я вас не знаю, откуда вы? — спросила она с улыбкой.

Я рассказал ей о своих мытарствах. Мне казалось, что говорил я без грусти, по-мужски сдержанно, но все-таки время от времени на глазах Панны я видел блеснувшую слезу. Когда я передал ей письмо Карповича, она заплакала.

— Не дождалась Евдокия. Да и сколько она могла ждать? Столько лет — и ни слуху ни духу...

Панна стала разжигать самовар и, наверное, оттого, что расстроилась после моего рассказа, никак не могла разжечь — из трубы валил пахучий березовый дым, но огня не было. Я снял сапог, нахлобучил на трубу голенище и мгновенно раздул огонь.

— О, вы деловой человек, все умеете! — воскликнула она восхищенно.

Вечерело. Теплое летнее небо становилось серым. Я собрался уходить и начал прощаться с этой простой и милой женщиной.

— Куда вы? — спросила она заботливо. — Уж ночь на дворе, а до разъезда очень далеко, двенадцать километров.

Я знал, что она прибавила вдвое, чтобы напугать меня, но не огорчился этим, а скорее обрадовался.

— К сожалению, мне негде переночевать, — сказал я в надежде услышать приглашение из ее уст. Панна не заставила себя долго ждать.

— Ночуйте у нас, — просто сказала она. — Ведь вы нам, как родной.

Я остался. Вечером, сидя перед лампой, я достал осколок зеркала, направил бритву на солдатском ремне и начал осторожно сбривать бороду и усы, отросшие в плену. Панна забрала мой жалкий осколок и принесла свое большое зеркало. А когда я чисто выбрился, она всплеснула руками и рассмеялась:

— Да вы же совсем парубок, а я все думала, что старик!

Поздно вечером мы пили ароматный чай, и опять Панна восхищалась какой я вкусный заварил чай.

Мы говорили долго, она рассказывала о своей жизни, я о своей. Оказывается, муж Панна погиб на фронте. Он был славный деловой человек, мастер на все руки. Панна за это его и полюбила.

Перед сном она ласково пожелала мне спокойной ночи и ушла в другую комнату. Я долго не спал и думал о ней. Эта женщина казалась мне очень доброй, с мягким, словно шерсть верблюжонка характером. Ты знаешь, что мы, казахи, любим этих животных, постоянных спутников наших предков. И когда мы говорим о доброте, то нет лучшего сравнения, чем кротость, глаза или шерсть верблюжонка.

Утром я проснулся поздно, солнце уже глядело в окно. Разбудила меня Панна, она собралась на работу, была в чистом переднике, по-утреннему свежая, с чуть припухшими глазами. Она показалась мне еще красивее, чем вчера.

— Я ухажу на ферму принимать молоко, а вы запри-тесь и спите,— повелительным тоном сказала она.

Панна не возвращалась домой до самого вечера. Я не мог оставить дом без присмотра и потому не уехал в тот день. Но я не мог и сидеть сложа руки. В углу, в сенцах, я заметил два поломанных стула. Я их починил, протер от пыли и поставил в комнате у стола. У двери в чулан покосилась доска, я нашел пару гвоздей и прибил ее на место.

Под кроватью Панны я увидел туфли, у одного из них отваливался каблук. Я починил и туфли, почистил их и поставил на видном месте у ножки кровати.

Прийдя с работы, Панна сразу же заметила плоды моих дневных стараний и воскликнула:

— Ну останьтесь еще дня на три-четыре!

Я не понял, шутила она или говорила всерьез, и потому ничего не ответил. Но и на третий день я не уехал из гостеприимного дома, хотя и ругал себя за это.

На четвертый день вечером Панна, нарядная, в новом шелковом платье, подошла ко мне. Волосы ее были гладко зачесаны назад и заплетены в две пышные косы, в глазах счастливый молодой задор.

— Сегодня в клубе новая кинокартина, — лукаво сказала она. — Вы не любите ходить в кино с женщинами? Даже если не любите, то по долгу мужчины обязаны проводить меня.

Мы возвращались поздно. Ночь была лунная, и мне казалось, что луна плывет совсем близко, в нескольких шагах от нас. Мы шли рядом, и я держал Панну под руку.

— Почему вы уезжаете? — несколько раз спрашивала Панна. — Вас кто-то ждет там? — И, не дождавшись моего ответа, продолжала:

— Оставайтесь у нас. Нашему колхозу нужны умелые руки.

— Если бы я нужен был не только вашему колхозу, но и еще кому-нибудь, — полушутя вздохнул я.

Она склонила голову на плечо и улыбнулась.

— Поживите, авось найдется.

В ту ночь мы долго сидели на скамейке у калитки. Луна плыла над селом, прохладный ветерок взлетел к нам на пригорок. Панна поежилась и сказала:

— Пойду оденусь.

«Надо серьезно поговорить с ней»,— подумал я. Слова молодой женщины: «Поживете, авось найдется», глубоко взволновали меня, заставили задуматься.

Вскоре вышла Панна, одетая в легкое пальто. Она захватила с собой и мою шинель.

— О, спасибо,— поблагодарил я и, одевая шинель, почувствовал, как хрустнула фотокарточка Амандыка в рукаве гимнастерки.

Кровь хлынула мне в лицо, стыд затуманил сердце. «Амандык, я годами видел тебя перед собой, дни и ночи тяжелой неволи мечтал о встрече с тобой. Как почему же сейчас я забываю о тебе и, как заблудившийся в легенде, живу на пороге у красивой женщины!?»

— О чем вы задумались? — обеспокоенно спросила Панна.

— Вы шелковый человек, дорогая Панна,— я взял ее руки в свои.— Но мне надо обязательно уезжать отсюда. Если бы я нашел себе жену, похожую на вас! Я был бы счастлив.

— Только похожая на меня может принести вам счастье? — тихо спросила она.— А я сама не могу?

Я тяжело вздохнул. Давно окончилась война, я вырвался из плена, шагаю уже по родной стране, но, как ни странно, новое страдание появилось в моей жизни — я не мог оставаться здесь, но и не мог с легким сердцем расстаться с Панной.

— Мне пора в путь,— глухо сказал я.

Обиженная Панна высвободила свои мягкие руки из моих и долго молчала.

— Меня ждет сын,— продолжал я, оправдываясь, и рассказал об Амандыке.

Нежно начатый разговор закончился у нас горечью предстоящей разлуки.

Я не спал ночь. Перед рассветом, когда в небе еще не

растаяли звезды, тихонько вышел из дома. Решил не прощаться с Панной, не мучить себя и ее. И потом не очень был уверен в том, что найду в себе силы уйти от Панны.

Не прошел и двух шагов, как вслед за мной выбежала она, в красном платье, в теплом пуховом платке. До сих пор не могу забыть того летнего утра, свежего аромата зеленого поля, звонкого пения птиц на рассвете.

— Поеду искать Амандыка,— сказал я, как будто хотел защититься от нее.

Она долго задумчиво глядела в сторону на росистую траву и потом впервые заговорила со мной на «ты».

— Если найдешь сына, приезжай к нам. До свидания!

Мы обнялись. Она прильнула щекой к моей груди и долго не отпускала меня. На глазах ее, как утренняя роса, блестели слезы.

Мы расстались на опушке леса, дав друг другу слово обязательно встретиться.

Болатбек умолк, задумался, неподвижно глядя в пол, и, наконец, спросил меня:

— Была ли это любовь?

— Да, это была любовь! — восхищенно воскликнул я. — Продолжайте. Она, конечно, приехала к вам, и вы поженились?

— Не спеши. Молодость всегда торопится.. Скоро будет маленькая станция Тимур. Тем, кто едет до Шаульдера, надо сходить.

В Тимур я приехал ночью, мне оставалось добраться до родного колхоза «Винталы», но это можно было сделать только утром. Я не мог спокойно дожидаться рассвета, начал искать человека из тех мест, который мог бы рассказать о новостях. Мне попался молодой шофер из Шаульдера, и мы разговорились.

— О, как хорошо, что вы вернулись! — воскликнул парень и начал жать мне руку. — О вашей тяжелой судьбе

знает вся округа! Попасть к немцам — это же верная смерть!

Парень оказался очень разговорчивым, в одну минуту выпалил мне все сведения о себе, рассказал о делах родного колхоза.

Я нетерпеливо перебил его рассказ:

— Ты слышал о моем сыне Амандыке?

Парень задумался, вспоминая.

— Говорят, у Мырзабека живет какой-то мальчишка сирота. Днем ходит в школу, а ночью пасет лошадей.

Узнав, примерно, где пасется стадо Мирзабека — не бая, разумеется, а колхозного пастуха — я, не дожидаясь рассвета, пошел в сторону реки Сыр.

Я шагал по бездорожью, то по распаханной зяби, то по кукурузному полю. Где же ты, мой Амандык? Каким ты стал сейчас? Только одно слово «сын» придавало мне силы, и я забывал об усталости.

Утром, когда над степью занялась густо-розовая заря, я увидел синюю полоску реки и услышал по-утреннему звонкое ржание жеребенка. Вскоре в долине показался табун, и сразу же в глаза мне бросилась фигурка маленького всадника, сидевшего на гнедом коне. Спотыкаясь, не отрывая от маленького всадника глаз, я побежал к нему. Мои глаза в ту минуту видели только его, все остальное не существовало для меня.

Мое приближение первым заметил конь. Он настороженно поднял голову и шевельнул ушами. Тотчас мальчик повернулся ко мне, натянул повод и насторожился.

— Здравствуйте, кто вы? — спросил он и, как настоящий джигит, положил свой журук поперек седла.

«Я твой отец, мой ягненочек!» — хотелось изо всей силы крикнуть мне. Но я не крикнул, я спросил неожиданно для самого себя:

— Олин пасешь?

— Вдвоем с дядей Мырзабеком.

— А где Мырзабек?

— Только что ушел домой.

— Как тебя зовут, мальчик?

— Амандык, — ответил он, и мне показалось, что сердце мое сразу же раскалилось и жжет всю грудь.

— Я Болатбек, твой отец, — едва выговорил я и заплакал.

Амандык повалился с лошади в мои объятия...

Взошло солнце. Табун двинулся к аулу, а мы с сыном остались у реки, сели под одним из кустиков. Он смотрел на меня задумчиво и тревожно — ведь он видел меня впервые в жизни — и снова плакал. Видно, он очень страдал, вспоминая о матери. Я целовал его мокрые щеки и долго успокаивал.

Затем развязал узелок, достал подарки, разные сладости и вельветовый костюм, который купил для него в Москве.

— Костюм новенький, а я грязный, — сказал Амандык. — Пойду умоюсь.

Мы подошли к реке. Когда сын разделся, я увидел у него на шее на стареньком шнурке нечто похожее на талисман.

— Амандык, что это у тебя?

— Мама дала... Просила, чтобы я никому не показывал, кроме тебя. Она всегда говорила, что ты живой и обязательно вернешься.

И он протянул мне старинный амулет из тонкой с узором кожи. Я распорол его и увидел плотно свернутое письмо.

«Я, наверное, не увижу тебя, — писала Нургайша. — Но я верю, что ты переживешь меня, несмотря на все трудности. Я верю, что ты найдешь нашего Амандыка. Сделай для него все, чтобы у мальчика была счастливая судьба»

СТАНИСЛАВ
УНИВЕРСИТЕТИ
17
ТУВХОНАСИ

большая жизнь. Прощай, мой дорогой, спутник моей короткой нерадостной жизни».

— Иди, Амандык, купайся. Я потом расскажу тебе, что здесь написано,— глухо сказал я и отвернулся от сына, чтобы скрыть набежавшие слезы.

«Эх, Нургайша, дорогая моя подруга. Зачем так мало я ценил тебя. Золотая у тебя душа. Ты прислала мне привет любви через пять лет после смерти...»

Я вернулся в аул вместе с сыном. Мызабек понял меня хорошо, как близкого родственника, уступил мне одну из своих комнат, где мы стали жить вдвоем с Амандыком.

Я так соскучился по Амандыку, что несколько дней не пускал его в школу. Я словно боялся потерять его, мне все казалось, что если он выйдет из дому, с ним что-нибудь может случиться.

Однажды вечером, когда мы с сыном уже укладывались спать, послышался легкий стук в дверь. Вошла строго одетая женщина средних лет. Амандык моментально соскочил с кровати:

— Здравствуйте, Айткуль-апа!

— Амандык, оденься и пойди погуляй на улице! — сказала женщина.

Это была учительница из нашей единственной школы. Она приветливо поздоровалась и поздравила меня с приездом.

— Вы балуете сына,— строго заговорила она со мной после того, как мальчик послушно вышел из комнаты.— Амандык не должен пропускать школу, он и так плохо успевает.

Я поблагодарил строгую женщину за заботу о сыне, и мы расстались.

На другой день Амандык долго не возвращался из школы. Уже наступили сумерки, школьники разошлись по

домам, а Амандыка все нет. Я вышел на улицу и пошел в школу.

Дверь в класс была приоткрыта, и я заглянул туда. В пустом классе сидели двое — Амандык и учительница Айткуль. Амандык, хмурясь и потея от напряжения, что-то писал, а учительница неотрывно следила за движениями его руки.

— Ты должен порадовать своего отца, — донеслось до меня. — А для этого надо хорошо учиться, Амандык! Ты не всегда будешь пасти лошадей, когда-нибудь ты станешь ученым человеком.

Потом она поднялась и, стоя за его спиной, беззвучно заплакала, вытирая слезы кончиком платка. Я переждал, когда она успокоится, и, набравшись решительности, шагнул в класс. Айткуль непринужденно и приветливо поздоровалась со мной, как будто и не плакала.

— Очень хорошо, что вы зашли. Родители должны держать постоянную связь со школой.

Амандык смутился и еще ниже склонился над партией.

— Что от вас останется, товарищ учительница, если вы будете плакать из-за каждого ученика? — негромко спросил я.

— Не из-за каждого. В наших судьбах есть нечто общее — он потерял родителей, я мужа и сына...

Домой я вернулся в тяжелой задумчивости. От Мырзабека я уже знал, что муж Айткуль погиб на фронте. Давно окончилась война, а сколько еще добрых людей страдает на белом свете!

Вскоре я устроился на работу в колхоз и стал ухаживать за огородом. Однажды, посидев на сырой земле, я простудился, не мог разогнуть спины и слег в постель. Мне было больно смотреть, как Амандык ест всухомятку, запивая холодной водой — обеда он не умел приготовить, а я не мог применить свою солдатскую сноровку — поясница

моя была словно скована железным обручем. Скучно стало в нашем доме.

Однажды вечером, когда мы с сыном ели холодные рыбные консервы, к нам зашла учительница. Она справилась о моем здоровье, пожелала приятного аппетита и, присмотревшись внимательными женскими глазами к обстановке в нашей комнате, сказала Амандыку:

— А ну-ка, принеси дров!

Она встала за печь, поставила варить суп с бараниной, а сама стала чистить посуду и уверенно, по-хозяйски наводить порядок. Она все делала быстро и красиво, ей доставляло удовольствие помогать двум беспомощным мужчинам. А нас радовало ее утешительное присутствие и распорядительность. Мы смотрели на чистый стол с сияющей посудой, и нам казалось, что от присутствия этой женщины у нас стало светлее и чище на душе.

Мне неудобно было лежать, и я попытался подняться.

— Не вставайте! — приказала Айткуль. — Вы больны, вам надо лежать.

Но я не послушался. Превозмогая боль, изо всех сил стараясь казаться бодрым, поднялся, и мы все трое сели за стол ужинать. Я с наслаждением ел душистый горячий суп и думал о том, что всякий дом красив и хорош, когда в нем есть расторопная женщина. «Мужчина — стена, а женщина — фундамент, на котором держится весь дом», — говорит старая пословица.

«Ты не осуждай эту женщину, — вспомнил я слова Мырзабека. — Без тебя она очень часто приходила к Амандыку. Она любила его, как сына. Поэтому она не сразу отвыкнет от него...»

Ночью я вспомнил Панну. Она ждет меня, ждет с сыном. И если мы встретимся, все ли будет хорошо? Как она отнесется к Амандыку? Ведь она молодая, она еще не была матерью, не прижимала к груди ребенка. Конечно,

назовет его «мой миленький», обвинит, приласкает. Но делает это от любви или из чувства вежливости?.. Перед моими глазами стояла Панна, белокурая, стройная с длинными косами. Я слышал ее слова, произнесенные в то раннее утро, слышал ее легкое дыхание.

Утром я сказал Амандыку:

— Ты хочешь поехать со мной далеко-далеко, в Белоруссию?

— Хочу, — ответил он, и глазенки его засверкали любопытством. Ведь он нигде еще не выезжал из родного колхоза.

— Очень хорошо, сынок. На будущей неделе мы с тобой поедem в Белоруссию.

Радостный, он убежал в школу, а я успокоился и начал собираться в дорогу.

Но вечером Амандык пришел из школы мрачный и неразговорчивый. Я умышленно молчал, ждал, пока он заговорит.

Наконец он спросил:

— Отец, а у кого мы будем жить в Белоруссии?

— У одной хорошей, доброй женщины, которая будет тебе вместо матери.

Амандык насупился.

— А если Айткуль-апа поедет с нами? — тихо спросил он.

И я понял — не время безрассудной любви. Не могу я лишить сына чистосердечной материнской ласки... Я много думал в эти дни. А потом написал письмо Панне и обо всем рассказал ей, как другу. Она ответила телеграммой: «Будьте счастливы! Панна». И все, больше ни слова, ни весточки...

Наступило утро. В мутно-синем рассвете замерцали далекие, как звезды, огоньки. Большие темные тучи неподвижно стояли над степью.

— Тимур!.. — сказал Болатбек.

Поезд замедлял ход, шел тише и тише, а я все не мог приободриться, стяхнуть сложное — грустное и радостное — впечатление от рассказа этого изувеченного, но красивого, несломленного человека.

Я помог ему вынести чемодан. На тихом маленьком перроне было по-утреннему свежо. От станционного дома навстречу нам торопливо шли двое — смуглая женщина с умным, немного суровым лицом и стойкий высокий юноша.

— Знакомьтесь, — приветливо сказал Болатбек. — Это моя жена Айткуль, а это наш сын Амандык.

Я с волнением, как старый знакомый, который очень давно не видел их и рад встрече, пожал им руки.

Потом все трое тепло распрощались со мной. Я дал Болатбеку свой адрес и с тем же сложным чувством грусти и радости, преклоняясь перед трудной, но правильной жизнью, расстался с Болатбеком Байжигитовым, человеком тяжелой судьбы, героем и автором ненаписанной книги.

Поезд тронулся дальше.

В нашем городе на Комсомольской улице стоит одноэтажный белый дом. Внешне он ничем не выделяется среди своих соседей — есть на улице дома и больше, и красивее его. Но я расскажу вам именно об этом — «моем» доме. Я называю его своим потому, что я в нем агитатор. Всех людей, которые живут в шести его квартирах, я хорошо знаю. Так по крайней мере мне казалось. Но однажды я понял, что это не так.

В тот вечер, как и обычно, я отправился в свой дом сразу же после работы. С планом политбеседы и пачкой свежих газет в кармане я поднимался по каменным ступеням лестницы. Первая у входа дверь с левой стороны ведет в квартиру Архипа Даниловича — плотника механического завода. От всех остальных дверей она отличается тем, что обита снаружи черным дерматином, аккуратно подогнутым по краям и скрепленным узенькими планками. Самодельный деревянный почтовый ящик у двери, изящная, красного дерева, табличка над ним с надписью: «Горбачеву» — все говорит о характере и профессии хозяина. Над табличкой белает кнопка электрического звонка. Я нажал ее. В прихожей послышалось торопливое шарканье тапочек, и в полуоткрывшуюся дверь просунулась русоволосая головка дочери Архипа — Гули.

— Папа и мама уехали на вокзал, — не дожидаясь моего вопроса, заявила она и, подумав, добавила: — Здравствуйте! — После чего дверь снова захлопнулась.

Несколько огорченный неудачей, я направился было ко второй квартире, но меня снова остановил раздавшийся сзади голос Гули:

— Там тоже никого нет. Они тоже на вокзал уехали!

«Ну что ж,— подумал я,— придется зайти сюда еще раз завтра»,— и, минуя третью дверь, направился во двор, так как вход в остальные три квартиры расположен с другой стороны дома.

Во дворе играл Славка — мальчик лет семи, сын тети Василисы, работающей на почтамте. Сгребая лопатой сырой песок, он строил гараж для своего жестяного грузовичка. Увидев меня, Славка оставил свое занятие и радостно закричал:

— Здравствуйте, дядя! А старших никого нет дома, только Никита Селизарович!

— Где же все?

— А уехали на вокзал! — и, заметив мое удивление, пояснил: — Сегодня приезжает дядя Сергей, и все поехали его встречать, а меня не взяли, потому что я шалун, а Гулю тоже не взяли и еще...

— Погоди, погоди,— прервал я его.— Кто такой этот дядя Сергей?

— Дядя Сергей — мой брат,— ответил Славка не задумываясь.

— Ну ладно, пусть дядя Сергей твой брат,— не вполне поверил я мальчику, прикидывая в уме возраст его родителей.— Твой папа и мама поехали его встречать. Гулины папа и мама тоже поехали на вокзал, а им кем доводится Сергей?

— Сын, им тоже сын! А Гуле брат.

Мальчишка всегда поражал меня своей смысленностью, однако на этот раз ответы его показались мне на редкость путаными.

— Ну, хорошо, предположим, что он брат и тебе, и Гуле. Ну, а всем остальным жильцам? Почему они поехали на вокзал?

— Сергей — их сын, — сказал Славка, но, поняв, что доказать это очень трудно, махнул рукой и нетерпеливо вернулся к прерванному занятию.

«Взрослым сын, младшим брат... Кто же все-таки такой, этот таинственный Сергей?» — размышляя над этой задачей, я вошел обратно в дом и тут обратил внимание на дверь третьей квартиры, мимо которой я прошел раньше. У меня были причины не заходить в эту квартиру. В ней живет одинокий пожилой человек — Никита Елизарович, по профессии сапожник. В прошлый мой приход мы с ним немного повздорили. И все из-за того, что частенько, слишком даже частенько, и как мне казалось, без особого повода, он изрядно напивался. Несколько раз я говорил ему о том, что к добру это не приведет, что пить вредно для здоровья. Но в последний раз он, не став меня слушать, резко оборвал: «Ты агитатор, а не врач, и не твое дело, что я пью и ем. Проводи свою беседу и уходи!»

Не удивительно, что мне после этого случая не хотелось заходить к нему. Все-таки я заставил себя постучать в его дверь.

Мне открыл сам Никита Елизарович.

Мы молча пожали друг другу руки. Поскрипывая деревяшкой, он прошел в комнату: я отметил про себя, что на нем новый черный костюм, и вспомнил, как однажды на мой вопрос: «Где твоя правая?» — он ответил: «На Эльбе». И это прозвучало так, будто он оставил свою ногу на берегу германской реки специально, как напоминание о том, что он там был. Никита Елизарович присел на низенькую табуретку с натянутыми крест-накрест ремнями вместо сидения, взял недошитое голенище сапога и только после этого сказал насмешливо:

— Знал, что придешь сегодня. В газетах новое постановление ЦК напечатано.— Он неожиданно отложил голенище в сторону, поднялся, подошел к буфету, торопливо налил себе рюмку водки и залпом выпил.

— Тебе не предлагаю, не пьешь. А я вот пью! — он вернулся на свое место, сел, усмехнувшись, снова взялся за недошитое голенище.— Ты не думай, что я с утра до ночи только и делаю, что прикладываюсь к ней, родимой. Водка, брат, такая штука, что ее и в горе, и в радости душе просит как песню. А у меня горе сегодня.

— Какое же у тебя горе? — спросил я его.— В чем причина?

— Причина есть. На вокзал вот не поехал сегодня. Из нашего дома все жильцы поехали Сергея встречать, а меня вот деревяшка не пускает.

— Можно было на машине поехать.

— На машине? — переспросил он с горькой усмешкой.— А там? Как хромой петух рядом со всеми прыгать? К тому же песок на перроне, а по песку она, будь ей неладно, ровно дверь несмазанная — скрипит и скрипит. Нет, я уже лучше дома Сергея обожду, авось не забудет старика, не обойдет мою дверь.

— Не забудет,— успокоил я его, как бы невзначай спросил: — Кто такой Сергей?

— А ты что же, не знаешь разве? — удивился он.— Сергей — наш сын.

— Ваш?

— Ну да, наш. Всех, кто живет в этом доме. Сергей даже больше, чем сын,— он наша совесть, что ли. Тебе эту историю надо знать.— Никита Елизарович взглянул на часы, пригладил жесткие торчащие усы и начал так: — Когда летом тысяча девятьсот сорок пятого года, оставив одну ногу на чужой земле, приехал я домой, как раз оттуда, где сейчас ты сидишь, из-за стола уставилась на

меня этакая ершистая, с блестящими глазами детская головка. Жена, покойница Марфа, обняла меня, как водится, смочила слезами ордена на моей груди, а потом говорит: «Возьми сына-то на колени, поцелуй Сережу, что ты какой...» Тут я, признаться, и растерялся. Смотрю то на Марфу, то на мальчишку, а про себя думаю: «Вот так заковыка!.. Когда на войну уезжал — вроде бы не ждала жена прибавления, а тут вот тебе на! Откуда бы?» Однако виду не подал, повернулся к мальчишке, говорю: «Ну-ка, подойти ко мне...»

Сидя то, он мальчишка казался, а когда встал да вышел из-за стола, ну тут уж я успокоился. Меня всего четыре года не было, а парню-то лет семь, а то и все восемь будет. Посадил я его на колени, глажу по мягким волосикам, и словно бы оттаивает мое сердце, и отпускать уже не хочется, и говорить — все слова забыл.

А тут заходит сосед — Архип Данилович, поздоровался со мной. Мы с ним посидели немного, пропустили по стаканчику за благополучное возвращение, и идет он к себе. Да не один идет, а берет, значит, за руку нашего мальчика и ведет ровно бы своего.

Мне это, понятное дело, не понравилось. «Эй,— кричу я.— Сережу-то куда берешь?» «Домой»,— отвечает. «Подожди, чей это сын?» «Мой,— говорит,— и твой сын, и Василисы сын, и остальных жильцов тоже...» Ну и рассказывает, что во время войны распределили по домам ленинградских детей, оставшихся без родителей. Тогда по распределению домоуправления на наши шесть квартир достался один мальчик. Жил он, как в старое время пастухи,— несколько дней в одной квартире, потом в другой, потом в третьей... «Сегодня я его заберу, моя очередь,— стоял на своем Архип,— после меня Василиса...» «Провалиться твоей очереди,— разбушевался я.— Мальчик куда не пойдет!»

Ну, одним словом, оставил я его тогда. Ночью Сережа спал вместе со мной и женой. Помнится, проснулся я перед рассветом, гляжу, а он словно бы совсем крохотный, придулся к груди Марфы и только носом посапывает. И опять захотелось мне погладить его по мягким волосикам, да побоялся потревожить. И повернуться — тоже боялся. Так и лежал до утра не шевелясь.

Не отдал я Сережу Архипу и на второй день, и на третий, не отдал его и Василисе, когда подошла ее очередь, и стал уже надеяться, что мальчишка, которого я так полюбил за эти дни, останется со мной и Марфой навсегда. Но однажды меня вызвала к себе Богачева — наш управдом и говорит: «Вы обижаете своих соседей. Они ведь тоже любят Сережу и имеют на него прав больше, чем вы, так как раньше вас взяли его на воспитание». Ну, да что рассказывать!.. Так и жил Сережа сыном шести квартир, а когда подрос, мы отправили его в родной город Ленинград в военное училище. Письма он писал нам оттуда чуть ни каждую неделю. В письмах про всех жильцов спрашивал — как живут, что нового... Мужчин всех отцами зовет, женщин — матерями, Гулю, стало быть, — сестричкой, Славку — братиком... Любят его все в доме. Уж больно парень душевный получился. И меня, калеку, жалеет. Одинокий я, он, видать, понимает и хоть приветы и поклоны в письмах посылает всем, однако пишет-то на мое имя... А сегодня вот сам приезжает. Все встречать его поехали, а меня нога не пускает. Как не горевать?

Так узнал я о Сергее — сыне шести квартир.

Мы замолчали. Никита Елизарович закончил наконец голенище, вздохнул и только поднялся со своего низкого табурета, как за окном послышался шум подъезжавших машин и раздался восторженный голос Славки:

— Приехали, приехали!..

— Приехал... — не сумев совладать с волнением, Ники-

та Елизарович как-то беспомощно оглянулся на меня и, вдруг обессилив, сел.

— Выйдем, встретим его, — предложил я.

— Ты иди, — сказал он, — а я здесь останусь, подожду.

Я вышел на улицу. У машины, окруженный веселой толпой жильцов, стоял высокий, стройный молодой человек в форме летчика с двумя звездочками на погонах. Подбежал Славка. Лейтенант легко подбросил его в воздух, поцеловал в щеку, потом подхватил на руки Гулю, но я заметил что смеясь и весело разговаривая со всеми, он все время выискивает кого-то глазами. Пора было входить в дом, и тут произошла заминка. По тому, как Архип Данилович, обняв Сергея за плечи, повел его к крыльцу, можно было понять, что он решил устроить лейтенанта у себя. Это не понравилось Василисе Антоновне. Она взяла Сергея за руку и настойчиво потянула его в свою сторону. Высокая, румяная девушка Мария — студентка второго курса медицинского института, проживающая со своей мамой в шестой квартире, взяв под мышку предназначенный Сергею букет цветов, решительно завладела чемоданами приехавшего. Ей хотелось, чтобы молодой лейтенант стал жить у них.

Но Сергей решил по-своему. Миновав ворота, через которые надо было пройти, чтобы попасть к квартире Маши и Василисы Антоновны, и пройдя обитую дерматином дверь Архипа Даниловича, он остановился перед дверью квартиры № 3.

— Никита Елизарович не смог встретить меня, — мягко сказал он остальным. — Лучше я сначала найду к нему.

Никто не смог возразить против этого, и Архип Данилович первый постучал к соседу. Я помог Марии — взял у нее один чемодан. Когда мы с вещами позже всех переступили порог третьей квартиры, приезжий и хозяин

безмолвно обнимались. Никита Елизарович поцеловал Сергея в лоб и, пряча глаза, сказал:

— А я вот, Сережа, пока тебя не было... потерял Марфу.

При словах «потерял Марфу» Сергей снова обнял Елизарыча и почему-то, тоже пряча глаза, отвернулся. Но он быстро совладел с собой, повесил фуражку на вбитый у двери гвоздь и сел на плетеный сапожный табурет.

— Проходи, агитатор! — сказал мне Никита Елизарович. — Сегодня в нашем доме будет праздник. Не забудь уходить.

Однако не желая мешать семейному торжеству, я извинился перед всеми и, сославшись на неотложное дело, ушел.

Через неделю я вновь поднимался по знакомой каменной лестнице. На этот раз первым делом постучал в дверь третьей квартиры. Мне открыл Никита Елизарович.

— А где гость? — спросил я еще с порога.

— Какой гость? — удивился он.

— Сергей где?

— Он не гость, — строго поправил меня хозяин. — Он мой сын.

Зайдя в комнату, я сразу заметил в ней перемены. Раньше здесь была только двуспальная кровать и над ней висел увеличенный с фотокарточки портрет Марфы. Теперь в комнате появилась еще одна кровать с никелированными спинками и портрет Марфы висел над кроватью.

— Сергей портрет матери ближе к себе повесил, — объяснил мне Никита Елизарович и уселся на свой плетеный табурет. — Ну давай, проводи со мной политическую работу.

В конце нашей беседы появился и сам Сергей. Я собрался было уйти, но он не отпустил меня и пригласил поужинать вместе с ними. Перед закуской он налил две стопки водки — одну пододвинул мне, другую взял себе.

— А отцу? — спросил я.

— Он теперь не пьет.

Я улыбнулся и недоверчиво посмотрел на Никиту Елизаровича.

— Правда, правда, — подтвердил тот, смеясь в усы. — Не идет теперь в меня водка. Это я в одиночестве искал в ней утешения, а теперь на што она мне?

Во время ужина кто-то постучал в дверь, и, мягко ступая, вошла раздумывавшаяся от быстрой ходьбы Мария. Мимоходом она поправила половичок у двери, одернула завернувшуюся скатерть. После ужина помогла Сергею убрать со стола. Затем, глянув на часы, посмотрела на Сергея, как бы говоря ему: «Нам пора».

Когда они ушли и мы остались вдвоем, Никита Елизарович, набивая трубку табаком, сказал:

— В театр отправились... Вот увидишь, агитатор, в этой третьей квартире скоро будет не один жилец, а целых три, а потом и еще больше...

Когда я возвращался домой, был уже поздний вечер. С обеих сторон Комсомольской улицы, сливаясь вдали, горели гирлянды фонарей. За деревьями, обрамляющими тротуары, светились бесчисленные окна домов. Я смотрел на них и думал, что за каждым окном живут люди. У каждого своя история, одна из них — история квартиры № 3.

Теплый луч солнца прокрался в комнату сквозь тюлевые занавески и, словно испугавшись ее тишины, задрожал на мягком ворсе ковра. Потом осмелел, стал игривее и перебрался на диван, где спала старая Марзия. Он осветил ее усталое, морщинистое лицо и, будто любуясь им, остановился. Марзия, не просыпаясь, попробовала отвернуться от него, но у окна на тумбочке резко зазвонил телефон. Женщина открыла глаза, сладко потянулась. Телефон зазвонил снова.

— А, шайтан бы тебя взял! — Марзия-апа встала, сунула ноги в мягкие туфли и, кряхтя и недовольно бормоча, прошла к телефону. — Вам кого?... Да, да, женился... Спит!.. Да сбудется сказанное вами. Спасибо, передам.

Марзия положила трубку, откинула штору и выглянула в окно. Раннее утро дохнуло на нее теплым, розоватым светом и как бы сказало: «Поспи еще, успеешь наработать-ся». Марзия посмотрела на постель и начала одеваться. Конечно, можно было бы поспать еще, но ведь в доме столько работы! Одна уборка отнимет половину дня.

Марзия прошла в столовую и остановилась у порога, не зная, за что приняться. Отставив к стенам стулья, она принялась собирать со столов пустые бутылки.

— Марзия-апа, я уже встаю! — донеслось из приоткрытых дверей спальни.

Марзия снова поставила бутылки на стол и отправилась в переднюю, где стоял дорогой, отливающий зер-

кальным блеском шкаф для одежды. Достав из него снежно-белую, еще хранящую тепло утюга сорочку, брюки и, прихватив начищенные туфли, она заторопилась в спальню.

Алмабек сидел на кровати в пижаме. Белое, коленное лицо его сияло счастливой улыбкой, да и весь он, крепко сложенный, не тронутый огнем жизни, светился тем счастьем, которое дается только всегда удачливому человеку. Увидев Марзию, он по-мальчишески откровенно улыбнулся ей и проложил палец к губам.

Марзия понимающее улыбнулась в ответ и кивнула, приветствуя головой. Алмабек принял одежду и тихо проговорил:

— А вы забыли, Марзия-апа...

Марзия замахала руками: нет, нет! И на цыпочках поспешила из спальни. Алмабек встал, положил на стул одежду и взглянул на ту половину постели, где спала его жена Акбала, вчера еще невеста. Да, правы были гости, поздравлявшие его на свадебном тое с красавицей женой! Ну, у кого еще есть такие длинные, черные косы, брови, напоминающие разбросанные крылья ласточки, лицо, словно взятое из сказки о степной красавице?

Будто чувствуя на себе влюбленный взгляд мужа, Акбала улыбнулась во сне пухлыми розовыми губами. Алмабек осторожно поцеловал ее в теплый лоб, поправил на ней дорогое шелковое одеяло и начал одеваться.

Неслышно вошла Марзия, неся на маленьком подносе бутылку со сливками и два стакана.

— Вчера еще я приносила один стакан, а сегодня — два, — сказала она громко, улыбаясь в ту сторону, где спала Акбала.

— Доброе утро, Марзия-апа!

— Доброе утро, милая! — ответила Марзия. — Как спалось в постели мужа, не тревожны ли были твои сны?

Алмабек повернулся к жене и встретился с ее счастливым взглядом. Словно застеснявшись своего счастья, Акбала закрыла глаза, до подбородка натянула одеяло и ответила:

— Спасибо, Марзия-апа... Спала я так крепко, что никаких снов не видела.

Алмабек разлил сливки в стаканы, вышил свой, а второй протянул жене. Акбала, все еще улыбаясь, удивленно спросила.

— Зачем это?.. Да и умыться надо сначала...

— Пить холодные сливки в постели — это хорошо, — сказал наставительно Алмабек, держа стакан в вытянутой руке. — Так принято в порядочных семьях, Алочка.

— Кушай, кушай, Аля-жан, — наставительно посоветовала Марзия, — это полезно. Врачи так говорят.

— Ну, если врачи говорят, то выпью. — Акбала взяла стакан и, придерживая на груди одеяло, выпила его и протянула Марзии. — Спасибо, апа, долго-долго живите... Только зовите меня, пожалуйста, Акбалой и сливок мне больше не носите...

— Хорошо, доченька, хорошо!

— Апа! — усмехнулся Алмабек. — Мне тогда тоже не надо. Вообще — долуй сливки!

Марзия вышла. Акбала поднялась, прикрывая грудь одеялом, начала искать глазами свое платье. Алмабек присел на кровать, обнял жену, поцеловал ее в шею и так, целуя, склонил на подушку.

— Вот так, Алочка... Зачем тебе вставать? Лежи... Я бы остался с тобой, но — работа.

Пока муж умывался и одевался, Акбала лежала в постели с улыбкой растерявшегося от счастья человека. Уютная, хорошо обставленная квартира, спальня, любимый и любящий муж, добрая тетушка Марзия... Разве это не счастье для нее, вчерашней студентки, выросшей у родных

Взглянув на часы, Шарбан скромно напомнила:

— Нас машина ждет.

Не открывая глаз от букета и не интересуясь им, Акбала тихо, словно извиняясь, спросила:

— Куда же вас назначили?

Айсагат щелкнула замком сумочки, взмахнула ею куда-то в сторону.

— В родные аулы!.. О, я так рада, так рада, Алка, что снова буду среди своих!..— Айсагат сделала серьезную мину, грозно поговорила: — А почему, уважаемый, вы не придерживаетесь рациона кормления, который я вам составила? Смотрите у меня! — Она погрозила на дверь пальцем и рассыпалась звонким смехом.

— А ты, Алла, что будешь делать? — Спросила Шарбан, с укором взглянув на Акбалу. — Так и будешь сидеть дома? Ведь пять лет училась...

— Пока еще не знаю, — ответила Акбала.

— Значит, не знаешь, будешь ли работать? — допытывалась Шарбан.

— Не обращай на нее внимания, Алка. Она просто завидует твоему счастью! — отмахнулась Айсагат от Шарбан и обняла подругу. — Ну, прощай!

Акбала расцеловала подруг, проводила их и долго стояла у окна. «А диплом надо получить», — подумала она.

2

Как ни протестовала Акбала, но Марвия все-таки позвонила Алмабеку и попросила, чтобы он прислал жене машину.

— В институт едет, за дипломом, — говорила она в телефонную трубку, хитро подмигивая Акбале. — Так пусть все видят, что она жена непростого человека...

Против здания зобетинститута Акбала попросила шофера остановиться. Торопливо вошла в вестибюль, почти бегом поднялась по лестнице на второй этаж и открыла дверь в канцелярию. Навстречу ей поднялся пожилой человек с небольшой лысинкой на макушке — заведующий канцелярией.

— Здравствуйте, Иван Яковлевич!

— Здравствуй, здравствуй, Акбала, — Иван Яковлевич пожал руку Акбале, усадил ее на диван с собой. — За дипломом пришла?

— Да, — не глядя на заведующего канцелярией, ответила Акбала.

— Сейчас получишь... У тебя ведь с отличием. — Иван Яковлевич достал из сейфа стопку дипломов, просмотрел их. — Вот он... Только едва ли он теперь понадобится тебе.

Эта фраза, как горький упрек, хлестнула Акбалу по сердцу. Не попрощавшись, она быстро вышла из канцелярии и, не желая встречаться и разговаривать больше ни с кем, покинула институт. Отпустив шофера, прошла в ближайший сквер и присела на скамейку. Раскрыла диплом, посмотрела. Потом, вздохнув, положила его в сумочку и долго смотрела на здание института, в котором проучилась столько лет...

— Здравствуй, Акбала!

Акбала обернулась на голос. Рядом стоял высокий плечистый юноша, студент педагогического института.

— Поздравляю тебя со счастливым замужеством!

Акбала отмахнулась, тихо сказала:

— Спасибо.

Ораз присел рядом, стараясь заглянуть собеседнице в глаза, спросил:

— Ты что-то... Разве недовольна?

— Нет, но... — Акбала замолчала и начала чертить носком туфля по песку.

— Если тебе неприятно, не говори.

Несколько минут сидели молча. Потом Ораз неожиданно спросил:

— Ты читала легенду «Бозжигит и Акбала»?

Акбала искоса взглянула на юношу, пожалала плечами.

— Нет, и даже не слышала о ней.

Ораз оживился, сцепил на коленях руки, с мягким упреком сказал:

— Ее очень любил Абай. Как же ты не слышала о ней? Там говорится об акыне Бозжигите. Вместе с красавицей Акбалой он летал под небесами на белом скакуне и пел песни, которые потом повторяла вся степь.

Ораз замолчал, стал разглядывать свои руки. Густые черные брови в глубокой задумчивости сошлись на переносице. Казалось, он вдруг вспомнил что-то неприятное. Акбала, не заметив этого, непринужденно спросила:

— Легенду я эту прочитаю... А ты мне прочти свои стихи. Ты ведь сочиняешь?

— Да, люблю сочинять стихи,— признался Ораз, продолжая рассматривать свои руки так внимательно, словно на них были написаны поэтические строки. С иронической улыбкой он заметил: — Ты та самая Акбала... из легенды. Я хотел быть Бозжигитом, да не получилось.— Он выпрямился и, глядя в пустынный конец аллеи слегка прищуренными глазами, начал читать свои стихи о красивой и гордой девушке, которая была всегда недоступна для него. И он сам, и его песни принадлежат ей, но она не принимает их. Наконец, случилось самое страшное: она теперь принадлежит другому. И все-таки он будет любить ее и сочинять ей самые лучшие песни. Поймет ли она когда-нибудь его душу?

Замолчал юноша, опершись подбородком на руку, задумался. Акбала растянула сумочку, зачем-то вынула из нее диплом и снова положила. Потом встала, поправила косы.

— Хорошие твои стихи, Ораз, но подари их другой... Я замужем. До свидания.— И быстро, словно убегая, она направилась по аллее.

Ораз поднялся, проводил ее глазами, сорвал лист кле-на, бросил его под ноги и пошел в другую сторону, в душе ругая себя за слишком позднее и неуместное признание.

3

Дома Акбала переделалась и занялась уборкой кабинета мужа: надо было что-то делать, чтобы не скучать, да и время за работой быстрее проходит. Когда она перетирала на стеллажах книги, из одной выпала пачка квитанций на поч-товые переводы. Все они посылались одной женщине по име-ни Ажар. Страшная догадка холодком пробежала по ее телу.

— Марзия-апа...

— Ау, дочь моя! — откликнулась с кухни Марзия.

— Кто такая... Ажар? — скрывая дрожь в голосе, спросила Акбала.

— Это мать Алмабека, твоя свекровь, — ничего не по-дозревая, ответила Марзия.

— Мать? — Акбала облегченно вздохнула, положила квитанции на место и поспешно смахнула с глаз горячие слезинки.

— Мать, — подтвердила Марзия. — Мне, правда, не приходилось ее видеть.

— Почему же? — теперь уже с удивлением допытыва-лась Акбала.

— В тот аул, где она живет, я не ездила. А она сюда все эти годы не приезжала. И до меня, кажется, не была.

Резкий звонок в передней прервал беседу женщин. Алмабек прямо с порога бросился к жене и взял ее на руки.

— Сегодня мы идем в театр, слушать «Кыз-Жибек». Ты рада?

— Мне почему-то не хочется, — откровенно призналась Акбала, прижимаясь к Алмабеку. Тот осторожно опустил ее на пол, тихо, но требовательно спросил: — Почему не хочется?

— Мы уже слушали эту оперу.

— Какое это имеет значение! — Алмабек пожал плечами, прошелся по комнате. — Хорошую музыку можно слушать без конца... Да и на людях веселее, чем дома.

— Неприятно то, что ты будешь показывать меня своим знакомым как какой-нибудь экспонат.

Алмабек остановился, пристально взглянул на жену. Неприятная усмешка тронула его губы.

— С другим на людях ты чувствуешь себя великолепно! — саркастически заметил он.

Акбала опустила руки, растерянно взглянула на мужа.

Алмабек продолжал:

— В самом деле, Аля, кто он? Мне одна особа шепнула: ваша жена сидит в сквере с каким-то молодцом.

— Это просто мой знакомый, — ответила Акбала, обиженная неприятным вопросом мужа.

— Н-да, знакомый... — многозначительно проговорил Алмабек, шагая по кабинету.

— Если ты меня допрашиваешь, то разреши спросить и тебя, — прервала Акбала мужа, настойчиво ловя его взгляд: — Почему ты мне ничего не говорил о своей матери?

— О матери? — удивленно, явно не ожидая такого вопроса, переспросил Алмабек. — Но ты, по-моему, о ней и не спрашивала.

«Да, это так», — упрекая себя, подумала Акбала и спросила уже тихо, примирительно:

— Сколько же ты лет ее не видел?

Алмабек почесал затылок, подумал.

— Сколько?.. Знаешь, давно... Еще студентом бывал на каникулах, а потом пошло: аспирантура, лекционная работа, кафедра, директорство... Виноват, конечно... Но живет она неплохо. Корова, дом и я помогаю.

— А почему ты ее не перевезешь сюда?

— Представь, об этом дорогая я не думал... Но на эту тему мы еще поговорим,— бодро бросил Алмабек и положил руки на плечи жене.— В театр, значит, не идем... Тогда давай ужинать. А к старухе, действительно, надо съездить.

«Почему к старухе, а не к матери?» — подумала Акбала, но ничего не сказала.

За ужином Алмабек продолжал развивать идею поездки к матери. Жестикуюлируя, он говорил:

— Я тебя понимаю. Ты выросла без матери и нуждаешься в ласке. Как только будет время, съездим. Обязательно!..

...Прошло лето, обагрилась осенью листва на деревьях, потом холодные ветры сорвали ее и принесли снег, а Алмабеку все было некогда. Как-то Акбала снова напомнила ему о поездке.

— Ну, представь, что у меня нет времени на это путешествие! — грубовато ответил он.— И, в конце концов, к чему нам эта поездка?

— Хорошо, я одна поеду,— заявила Акбала.— Бессовестно и с твоей, и с моей стороны не навесить старушку.

Алмабек раздраженно бросил:

— Вот-вот! Ты считаешься только со своими прихотями,— и вышел в переднюю, не желая больше продолжать неприятный для него разговор. В передней, удивленный, он остановился перед диваном, на котором спала Марзия. Над ним висели фотографии трех мужчин в военной форме.

Передернув плечами от недоумения, он крикнул старушке, возившейся на кухне:

— Маке, что за новость? Чьи это фотографии?

Старушка выглянула в переднюю, вытирая фартуком руки, ответила:

— Они в чемодане у меня лежали, а Аля-жан говорит: «Повесь на стену».

— Кто это?

— Внизу старший мой сын Ескандер и младший Алик.

— А где они?

— Как где? На фронте погибли...

— А-а,— понимающе покачал головою Алмабек.— А это кто?

— Это брат Акбалы, Мустафа... Тоже погиб... Аля-жан сказала: пусть угол в нашем доме будет почетным.

— Ну, пусть, пусть,— не без иронии согласился Алмабек и пробормотал себе под нос: — Деревенщина...

4

Огромные сугробы упрятали небольшой аул. Снег выпал ночью, и люди расчищали в это утро подходы к своим домам.

По центральной улице крупная серая лошадь несла легкие санки, швыряя в них комья снега. В санях, закутавшись в тулуп, сидел полный, угрюмого вида, пожилой мужчина, председатель местного колхоза Мусирали и его кучер, совсем молодой джигит.

— Стой! — крикнул Мусирали и хлопнул кучера по плечу.— Надо помочь старухе.— Он грузно поднялся с саней и, тяжело ступая, направился к одной из калиток, в которую маленькая сгорбленная старушка никак не могла втащить санки с дровами.

Кучер опередил председателя и легко завез санки во двор.

— Как поживаешь, апа? Как здоровье? — спросил Мусирали старушку, отряхиваясь от снега и сеной трухи. — От Алмабека вести есть?

Старушка вытерла концами старенького платка слезящиеся от мороза глаза.

— Женился Алмабек.

— О! — воскликнул председатель и слегка потряс старушку за плечи — Ну, поздравляю, поздравляю. А кто твоя сноха?

Старушка посмотрела себе под ноги, неопределенно ответила:

— Не знаю... Человек, женщина...

Председатель усмехнулся, пояснил свой вопрос:

— Я спрашиваю, кто она: казашка, татарка, русская?.. Алмабек сам написал о своей женитьбе или от кого слышала?

— Люди рассказали, а кто она такая — не знаю... Говорят, уже давненько женат мой Алмабек.

Мусирали укоризненно покачал головой.

— Нехорошо делает Алмабек, что не пишет тебе... Совсем забыл мать.

— Что жив он и здоров, знаю по деньгам, которые он мне высылает. А письма писать, наверное, времени не хватает.

Сложив дрова у дверей дома, кучер возвратился к лошади и, пощелкивая себя кнутом по голенищу валенка, стал ожидать начальника. Глядя на него, председатель хмуро проговорил:

— Так-то, апай... Из нашего аула вышли и доктора, и ученые, но никто из них не возвратился в родные места.

Старая Ажар вздохнула, покачала головой, но ничего не сказала.

— Забыли родную землю! — Мусирали сел в сани, взял кнут у кучера и с силой стегнул нетерпеливо пофыркивающую лошадь.

Серый резко взял с места и быстрой рысью понес санки по заснеженной улице.

5

К вечеру оазыгралась метель. Сильный ветер зло швырял в закрытые ставни снежной крупой, завывал в трубе. Напевая бесконечную, как степь, песню, старушка Ажар сидела перед керосиновой лампой и штопала варежку. Когда ветер доходил до неистовства, она бормотала слова молитвы и снова склонялась над работой.

Резко потрескивали дрова в железной печурке, у порога сопел только что родившийся теленок.

Скучно Ажар. Когда надоедала ей песня, она поднимала скупо прикрытую седыми волосами голову и смотрела на стену. Там висела фотография молодого Алмабека. И хотя она не видела его улыбающегося лица, в воображении ее оно сохранилось таким, каким она его запомнила.

Закончив штопку, она подошла к окну, прислушалась и отругала бесившийся за ним ветер:

— Проклятый! Никто, кроме тебя, и не постучится ко мне!

Возвратившись к лампе, она замочила бурдюк, налила в него молозива и приготовила молозивую колбасу. Повесив бурдюк над печкой, не раздеваясь, прилегла. Уже сон смыкал ей глаза, и вой метели словно удалялся, когда она явственно услышала стук в калитку и женский голос:

— Апа, откройте!

«Кто бы это мог быть?» — подумала Ажар, вставая с постели.

Она торопливо надела кожаные галоши поверх старых ичигов и заковыляла к двери.

— Сейчас открою!.. О аллах, кто в такую погоду вздумал навестить меня?

Задыхаясь от морозного ветра, Ажар с трудом вынула жердь, подпирающую калитку, открыла ее. По громоздкой фигуре в лисьей шапке и тулупе узнала Мусирали. Рядом стояла еще кто-то, низкого роста, в полушубке, до глаз закутанный не то платком, не то шарфом.

Перекрикивая шум ветра, Мусирали весело бросил:

— Шуинши, апа! Гостя тебе привез.

Шуинши оудет, председатель, но кто он, гость-то?

— Приглашай в дом, увидишь.

Старушка провела гостя в дом, помогла ему раздеться и неслыханно удивилась: перед ней стояла красивая молодая женщина в черном платье с меховым воротником и в шапочке из такого же меха. На ногах гостьи были белые как снег валенки.

Еще не ответив толком на приветствие, с любопытством и стыдом осматривала Акбала жилище старой Ажар: фотография Алмабека над скромной постелью, на столе чайник с отбитым носиком, под столом — старый, с помятыми боками, медный самовар; бурдюк с молозивом над печкой... Да, знал бы Алмабек, как живет его мать! Скрывая смущение, Акбала нагнулась над телянком и стала гладить его по теплой шерсти.

— Так кто к вам приехал, апа? — ласково спросила она все еще ничего непонимающую старушку.

— А у меня, кроме сына Алмабека, никого нет, — ответила Ажар, глядя на Акбалу и вспоминая свою молодость. — Ты ехала именно в этот дом?

— Да, апа.

— Как зовут тебя?

— Акбала.

— А чья ты дочь? — по старому обычаю расспрашивала Ажар гостью.

— Отца звали Тлеубай, — ответила Акбала, присела у печки и протянула к огню руки.

Старушка опустилась на край кровати, с любопытством наблюдая за гостьей, продолжая расспрашивать:

— Ты переступила мой порог с рассветом. Кто же ты? Перелетная птица?

— Я дочь ваша, апа.

Ажар тихо засмеялась.

— Дети в одежде не рождаются. Это снохи в одежде приходят. Не сноха ли ты?

— О апа, угадали! — Акбала обняла старушку и прижалась своей мягкой, горячей щекой к ее сухому, морщинистому лицу. — И я приехала, чтобы увести вас.

— Куда увести, дочь моя? — спросила Ажар, поглаживая Акбалу по мягким, отливающим черным блеском волосам.

— К нам, в город.

— Значит, доченька, мой Алмабек тебя за мной прислал? — спросила Ажар, и голос ее дрогнул.

— Да, апа, — солгала Акбала, чтобы не огорчить материнского чувства свекрови. — Вы будете жить с нами.

За утренним чаем Ажар угощала сноху молозивой колбасой и рассказывала ей о сыне:

— Говорят, дочка, если балуешь ребенка, он вырастет с черствым сердцем... Видно, это правда... Я баловала его... И отец баловал... Он начальником по торговой части был, и Алмабек не знал трудностей, когда учился. Все у него было. — Старая Ажар вздохнула и задумалась над пустой пиалой.

Акбала пододвинула свекрови тарелки с колбасой.

— Ешьте, апа. Вы ведь ничего не едите.

— Я люблю чай, дорогая,— ответила старушка и налила себе чаю.

— А много его у вас?

— Да есть немного...

Акбала встала и вынула из своего чемоданчика несколько пачек чая, отрез на платье и протянула их Ажар.

— Что это, деточка? — спросила старушка, принимая подарки и счастливо взглядывая на сноху.

— Гостицы,— Акбала встала и начала одеваться.— Я хочу посмотреть аул, апа.

— Посмотри, посмотри, доченька.— И старушка, накинув на плечи старое пальто, проводила сноху до калитки и долго смотрела ей вслед, щуря слабые глаза.

6

Красиво было это тихое солнечное утро. Ослепительно искрился чистый снег, легкий, освежающий мороз пощипывал щеки. Хотелось беспричинно смеяться и дурачиться. По улице, по которой проехало всего несколько саней и дорога была еще не утоптана как следует, Акбала вышла на окраину аула и начала взбираться на небольшой холм. Валенки скользили, и, смеясь, Акбала взбиралась на четвереньках.

На вершине холма она огляделась и замерла, очарованная открывшимся видом. Вдали поблескивали вечными снегами высокие горы. Восходящее солнце окрасило их в розовый цвет, и казалось, что они вот-вот загорятся.

От подножия гор к аулу тянулись ровные, словно застланные белыми скатертями поля. Акбала начала громко читать пришедшие на память стихи Ораза, прислушиваясь к своему голосу и жадно вдыхая густой морозный воздух. Ораз рассказывал в своих стихах об этих горах, вечных и величественных, как сама жизнь, о своем детстве...

У подножья холма копошилась в снегу отара овец и стояло большое длинное строение, вероятно, животноводческая ферма. И Акбала как-то невольно вспомнила институт и свой диплом зоотехника. Ее потянуло к ферме, к овцам. Она спустилась с холма, в аул, и оттуда по тропинке прошла на ферму. Обойдя длинное строение — это был коровник, — она очутилась среди доярок. Те с любопытством уставились на нее. Акбала поздоровалась. Доярки смущенно ответили на приветствие, а стоявший в дверях коровника молодой парень в распахнутом на груди полушубке приосанился, показывая из-под пиджака козы мооской тельняшки, тронул пальцами тонкие усики и восхищенно крикнул.

— Вот выставился! — ревниво бросила одна из доярок и, позвякивая подойником, пошла прочь.

Не обращая внимания на замечание молодой женщины, парень отрекомендовался Акбале:

— Сарсенбай, заведующий фермой. Чем могу служить?

— Хочу коров ваших посмотреть.

Осторожно ступая по заваленному навозом коровнику, Акбала осмотрела коров. Они были худые, жалкие и, словно оправдываясь за свою безхозяйственность, шедший сзади Сарсенбай льстиво говорил:

— Весь аул рад за старую Ажар... Председатель уже барана выбрал... Пусть, говорит, устроит настоящий той. — И не к месту рассыпался заискивающим смешком.

Акбала покосилась на бравого заведующего и, ничего не сказав, вышла из коровника в боковую дверь и неожиданно встретила председателя колхоза.

— Здравствуйте, Мусирали-ага!

— Здравствуй, дочка! Что, хозяйством нашим интересуешься? — председатель поправил седые свисающие усы и почему-то вздохнул. — Здесь у нас только часть скота... Другие фермы есть...

— Почему коровы такие худые? Ведь вы говорили, что колхоз ваш передовой? — ожидая ответа, Акбала присела на изгородь.

Председатель, глядя себе под ноги, задумчиво проговорил:

— Самое больное место заметила... С кормами у нас плохо. Второй год кукуруза подводит. А сеем мы сорт, выведенный Алмабеком Ермекбаевичем.

Акбала подняла на Мусирали удивленные глаза. А тот, как-то сразу оживившись, продолжал:

— Хороший сорт он вывел, как раз для нашей земли. Первые годы мы получали знаменитые урожаи!.. За этот сорт Алмабек Ермекбаевич кандидата получил, большим ученым стал, а мы вон какие стада развели!.. Но вот уже второй год неурожай и неурожай. Вот он, — председатель указал на стоящего рядом с Акбалой Сарсенбая, — говорит, что к концу зимы весь скот передохнет, если нам не дадут кормов.

Сарсенбай бросил окурок в снег, раздавил его ногой и с упреком взглянул на председателя: «Не мог, мол, лучше сказать обо мне».

Акбала подошла к председателю, взяла его за руку. Участливо заглядывая ему в глаза, искренне посоветовала:

— Так вы бы обо всем написали Алмабеку, Мусирали-ага!

— В первый год неурожая я не стал его беспокоить, сами, думаю, виноваты, что-нибудь с агротехникой не так... На второй год все проверили, а урожай совсем не удался... Отписал я Алмабеку Ермекбаевичу, показатели все выслал... Но ответа нет до сих пор... Может быть, письмо мое не получил? — председатель пожал плечами, замолчал.

Молчала и Акбала, чувствуя в колхозной беде виноватой и себя.

— Может быть, дочка, помотришь ту таблицу, которую я выслаал? — предложил Мусирали и указал рукой на дымящий трубами аул. — Вон оно, наше правление, тебе по дороге.

Акбала встала и пошла по дорожке вдоль коровника, не глядя ни на кого. Председатель — за ней. Не замечая вдруг потухшего настроения своей молодой спутницы, он сказал:

— Старая Ажар сегодня вся светится. Говорит, к сыну уеду, в столицу.

Акбала молчала. Председатель продолжал:

— А у тебя, дочка, городская специальность, что ли? Не можешь без города?..

Акбала тихо, заливаясь краской стыда, ответила:

— Я зоотехник...

Как будто не поверив услышанному, Мусирали остановился, удивленно глядя в спину Акбалы. Пожав плечами, он последовал за ней, что-то бормоча себе под нос.

Стены тесноватого, с двумя окнами, кабинета председателя правления колхоза были сплошь увешаны таблицами, диаграммами, схемами. Подведя ее к одной таблице, он щелкнул по ней пальцем и сказал:

— Если ты, дочка, зоотехник, то поймешь: можем мы с такими показателями далеко пойти?

Пока Акбала рассматривала таблицу, на которой по годам были указаны урожаи кукурузы с одной и той же площади, Мусирали отыскал в своем столе тетрадь, раскрыл ее.

— Засеять большие площади кукурузы у нас не хватает сил, — снова заговорил он, подойдя к Акбале и заглядывая в тетрадь. — Вот смотри наши расчеты... С этой площади при хороших урожаях мы за пять лет дали бы мяса со ста гектаров знаешь сколько? — председатель вдруг захлопнул тетрадь и швырнул ее на стол. — Говорить даже не хочется!.. Вниз катимся...

Акбала чувствовала себя неловко, будто сама была виновата в плохих урожаях кукурузы. Она почти не видела цифр на таблице, но продолжала глядеть на нее, избегая взгляда председателя. А Мусирали положил ей на плечо тяжелую, натруженную руку и, словно догадываясь о ее мыслях, предложил:

— Ну, хватит. Наговоримся еще за бесбармаком. Старая Ажар готовит, старается. А эту таблицу ты возьмешь с собой и покажешь мужу. Хорошо?

Акбала утвердительно кивнула головой. Мусирали снял со стены таблицу, свернул ее трубочкой и сунул ей в карман пальто.

Никогда в тесном домике старушки Ажар не было так много гостей. Казалось, наверстывая упущенное, они все в один день решили навестить ее. Огромное блюдо с бесбармаком стояло посреди снежно-белой скатерти. Вокруг этого блюда сидели аксакалы и почетные гости, и среди них — Акбала. Вокруг другого блюда, поменьше, молодежь. Сарсенбай, наигрывая на домбре, не спускал глаз с Акбалы, как бы говоря этим взглядом: и я, и моя песня, и моя домбра — все будет твое, если захочешь.

Акбала не замечала ни влюбленного взгляда бывшего моряка, ни, кажется, самих гостей. Разговор с председателем, его упреки Алмабеку не выходили у нее из головы. И она сидела тихая, скучная, словно все это торжество предназначалось не для нее.

Гости пили кумыс. Допив вторую пиалу, Мусирали обернулся к Сарсенбаю, движением руки попросил его прекратить игру. Сарсенбай положил руку на струны домбры, притихли и гости. Мусирали пригладил усы, прищурил глаза, словно собираясь присутствующим загадать хитрую загадку, и заговорил:

— Я думаю, друзья, что приезд снохи нашей Ажар, — это радость не только для нее. Узнать жену нашего знаменитого земляка Алмабека Ермекбаевича — это радость для всего колхоза, в котором он вырос, встал на ноги. Никак только я не могу понять одного: уезжали на фронт, уходили и уходят в армию — все возвращаются в родной аул. А вот когда на учебу отправляются, — обратно не жди. И ни один выучившийся даже не скажет: ну, Мусеке, ты достаточно поработал, отдохни, а вожжи от колхоза отдай мне... Как было бы хорошо, если бы так случилось!.. Во главе такого колхоза, как наш, должен стоять образованный человек. А вот ни один не приезжает... Как что я хотел сказать? — Мусирали подергал себя за ус, не спуская с лица хитровой улыбки. — Да! Нашу старую Ажар тоже увозят в город. И она рада — так уж хочется повидать ей своего сына...

Ажар радостно закивала головой. Словно удивившись этому, Мусирали обвел всех вопросительным взглядом, приподнял седые клочковатые брови.

— Но посудите сами, если мы отпустим Ажар, то будет ли у нас какая-нибудь надежда увидеть ее сына?

Гости утвердительными возгласами поддержали председателя. Мусирали обернулся к Акбале и уже серьезно заключил свою речь:

— Так вот, дорогая дочка, так и передай Алмабеку Ермекбаевичу: не хочет колхоз отпускать его мать, а заботу о ней берет на себя. Да и по душе ли ей придется город?.. Нет, пусть уж лучше Алмабек Ермекбаевич возвращается в родной аул.

— На его плечах, ага, целый институт, — слабо возразила Акбала, вертя в руках пустую пиалу.

Мусирали хлопнул руками по коленям.

— Пусть едет с институтом! Здесь работы всем хватит. Так я говорю, друзья мои!

И снова одобрительными возгласами колхозники поддерживали своего вожака. Старая Ажар, поняв, наконец, в чем дело, тоже утвердительно закивала головой. Только Акбала сидела растерянная, безмолвная, будто ей только что сообщили такую новость, которую она совсем не ожидала.

7

Поля поля без конца и края, плотно закутанные снегом и облитые солнцем. Акбала не отходила от окна вагона. Мимо проносятся милые детству картины: как горбы занесенных снегом огромных верблюдов холмы, аулы с дымящимися трубами, табуны, и отары, и проглядывающие из-под снега синевой льда реки и речки. И снова ей на память приходят стихи будущего учителя и поэта Ораза, стихи о родном крае, о счастье жить и работать в нем.

Кто-то на плечо положил руку. Она обернулась и, удивленная до того, что замерло сердце, шепотом проговорила:

— Ораз?.. Откуда ты?

Юноша улыбнулся, вероятно, довольный растерянностью Акбалы и неожиданной встречей с ней.

— Из аула... Пути наши снова встретились, и сердца наши бьются рядом, но как мы далеки друг от друга.— Ораз взял Акбалу за руку, заглянул в ее смущенные глаза.— Не правда ли?

Акбала высвободила руку, повернулась к окну.

— Да, правда. Но не будем об этом больше говорить.

Ораз пожал плечами и с теплой дружеской улыбкой спросил:

— Почему?

Не отрываясь от окна, в которое она смотрела теперь почти безучастно, Акбала ответила:

— Я прочитала легенду «Бозжигит и Акбала». Помню, там сказано: «Золотая моя голова арканом привязана».

— Что аркан? При желании железную цепь порвать можно!

— Я этого не хочу, Ораз,— твердо, обрывая неприятный для себя разговор, ответила Акбала и спросила:— Ты зачем домой ездил? Ведь в институте занятия.

Ораз просто, словно отвечая на пустяковый вопрос, ответил:

— Из института сбежал на несколько дней за впечатлениями: поэму пишу. Тебе рассказывает.

Акбала, словно не слыша этих лестных для себя слов, спросила:

— До Алма-Аты вместе, значит, едем?

— Что до Алма-Аты! Я бы всю жизнь хотел ехать вместе с тобой.

— Пойдем ко мне в купе,— предложила Акбала.

Она расстелила на столике газету, нарезала молодильной колбасы.

— Это от свекрови. Угощайся.

Ораз взял кусочек, положил его в рот и прищурился.

— Люблю молодильно!.. И жизнь в ауле,— задумчиво проговорил он и, вздохнув, с аппетитом начал есть.

Акбала с любопытством взглянула на товарища.

— А что хорошего в ауле?

Ораз почти строго поглядел на нее, поднял брови.

— Как что хорошего?.. Домбре звук, а поэту песни дал аул... Наш, казахский аул. В нем — испытание глаза, мудрость мысли. Назови хоть одного нашего поэта, который не вышел бы из аула!

Акбала, не находя ответа, опустила голову. Ораз, словно убеждая весь мир в своей правоте, возбужденно продолжал:

— Закончу учебу и — в аул! Не понимаю тех, кто думает иначе! И тебя тоже. Твой муж большой ученый, не он ли убедил тебя, что, кроме города, нет лучшей жизни?

И снова Акбала промолчала. Ораз, спохватившись, вскочил и воскликнул:

— О, ведь сейчас будет Актас! Надо выглянуть. Друзья обещали прийти...

— Я тоже посмотрю на этот поселок, — поспешно, словно боясь отстать от товарища, проговорила Акбала и накинула на плечи пальто.

В тамбуре гулял сквозняк, окна дверей были густо покрыты инеем. Ораз взял маленькие, даже по сравнению настоящего труда руки Акбалы в свои, грубые и сильные. Крепко сжал их, согревая.

— Не надо, — попросила Акбала, но рук не отняла.

Ораз, глядя в ее опущенные глаза, громко перекрикивая стук колес, ответил на эту слабую просьбу своими стихами:

Есть ли такая другая, как ты, на земле?
Сердце поет, говорит о тебе бесконечно!
Может быть, суждена мне другая?
Конечно!
Однако счастья, родная, не будет мне.

Акбала внимательно поглядела в сияющие сердечной радостью глаза юноши, высвободила руки.

— А ты знаешь, что такое счастье?

Ораз собрался было ответить, но в тамбур вошел проводник и открыл дверь. Заскрипев тормозами, поезд остановился. Юноша открыл дверь, и в тамбур вместе с порывом морозного воздуха ворвался шум перрона. Ораз выскочил из вагона и сразу попал в объятия друзей. Стоя на подножке, Акбала не без зависти слышала и видела, как шумна и радостна была эта встреча.

— Ораз, дорогой, как успехи?

— Как жилось в ауле?

— Нет, никуда ты не поедешь!.. Погостишь немного у нас!

Оразу жали руки, обнимали его, и он, счастливый, улыбался.

Предупреждающе свистнул тепловоз, поезд вздрогнул и двинулся. Акбала видела, как Ораз, соглашаясь, махнул рукой и кинулся к вагону. Она посторонилась. Ораз мельком взглянул на нее и вбежал в вагон. Потом с пальто под мышкой и небольшим чемоданчиком он пробежал мимо, прыгнул на перрон и, махая Акбале рукой, прокричал:

— Счастье, дорогая, там, где мы нужны людям!..

Поезд набирал скорость. Акбала махала другою рукой и думала о его прощальных словах. И думы эти были почему-то горьки.

8

Радость встречи с мужем не очень радовала теперь Акбалу. И когда она, выйдя на перрон, очутилась в его объятиях, он показался ей уже не таким, каким был до ее отъезда в аул. Он больше похож на чиновника, чем на ученого.

— Поверишь, Аля, с трудом вырвался, чтобы встретить тебя. Работы — по горло! — говорил он жене.

Когда они сели в машину, Алмабек, вдруг улыбнувшись, спросил:

— Что же ты одна? Где мать?

Акбала резко повернулась к мужу, не отвечая на его вопрос, спросила:

— Ты письмо Мусирали-ага получал?

Алмабек неприятно, самонадеянно усмехнулся.

— К чему этот вопрос, дорогая?

Акбалу взорвало.

— Тебе смешно?! — сухо проговорила она, с трудом сдерживая гнев. — А мне стыдно было и за тебя, и за себя!.. Понимаешь — стыдно!.. Стыдно перед людьми, которые трудятся там, в ауле... Почему ты не ответил Мусирали?.. Ты забыл, кто посылал тебя на учебу?..

Алмабек примирительно положил руку на плечо жены, словно собираясь с мыслями, потер ладонью лоб.

— Мусирали я помню, Акбала. Хороший старик. Ну, не упрекай меня. Все собирался ответить ему, но так и не ответил... И тебя я понимаю — тебе нужно работать...

— Твой сорт кукурузы гибнет, а ты даже не интересуешься почему, — продолжала Акбала, не слушая мужа. — Получил ученую степень, хорошую должность и успокоился.

— А кукуруза у них не родится, наверное, потому, что сеют ее не так, как следует, — спокойно говорил Алмабек, словно упреки жены касались не его, а кого-то другого. — И не могу я заниматься только кукурузой. Для меня она — дело прошлое. И так друзья говорят мне, что я давно с нее «стригу купоны». Республике нужны высокоурожайные сорта пшеницы, и наш институт занят сейчас этой проблемой.

Несколько минут ехали молча. Потом Алмабек снова заговорил:

— А о старухе не беспокойся. Я ее перевезу как-нибудь сам... А тебе, конечно, нужно работать... Пожалуй, на нашей опытной станции найдется для тебя должность, ну, хотя бы лаборантки... На первое время... Неважно, что ты не агроном... Я устрою...

Акбала повернулась к мужу, взяла его руку, нежную, пухлую, как у нее, почти умоляя, сказала:

— Алмабек, ты агроном, я зоотехник. Ты сейчас делаешь не то, что нужно — стал просто начальником, а я домохозяйкой... Мы должны быть там, где нужны.

— Где? — Алмабек с насмешливой иронией покосился на жену.

— В твоём родном ауле, например.

Он встряхнул головой так, что шляпа чуть было не свалилась с его головы.

— Ну, знаешь!.. Даже если один бог будет везти, а другой погонять, то и тогда я из Алма-Аты не уеду! — проговорил он жестко, словно кланяясь самому себе. — И ты никуда не поедешь!

— А если уеду? — Акбала с деланно невинной улыбкой заглянула мужу в глаза.

— Не пушу! — краснея, процедил Алмабек.

... Однажды, придя с работы, он увидел на своём столе записку. Акбала писала:

«Алмабек, дорогой мой! Я уезжаю в твой аул, к твоим землякам навсегда. Так надо. Если ты действительно любишь меня, то приедешь ко мне. Я буду ждать тебя каждый день. Пойми...»

Не дочитав, Алмабек скомкал записку и швырнул ее на пол. Шагая по комнате, зло твердил:

— Не дождешься, нет!.. Скорее я не буду Еремекбаевым, чем уступлю капризам взбалмошной бабы...

Утром Марзия вынесла из его кабинета целый ворох окурков и пустую бутылку из-под коньяка.

9

Еще не просохла степь от весенних вод, кое-где клочками грязной ваты еще виден снег, а в густо-голубом небе уже заливаются жаворонки, словно вещая всем, что зимы больше не будет.

Там, где щедро припекает солнце, ярко зеленеет первая

травы, и всюду, куда ни глянь, парится, высыхая, серая от прошлогодних трав земля.

Долго не ездил Акбала верхом и теперь, сидя в седле, нет-нет да и хваталась за гриву лошади, когда та спотыкалась на грязной дороге.

— За хвост лучше держись, доченька! — подшучивал Мусирали, сидя на лошади, как на стуле в своем председательском кабинете.

Ехал председатель со своим новым зоотехником осматривать колхозное хозяйство. Собственно, самому Мусирали все давным-давно было знакомо, но зоотехника, как человека нового, нужно было ознакомить и с хозяйством, и с людьми, с которыми ему придется работать. Знал председатель: весна не обещала ничего хорошего для артельного скотоводства, но на душе у него было радостно: у него появился помощник с высшим специальным образованием, приехавший в их аул из города по собственному желанию.

На склоне невысокого холма видна была пасущаяся отара. Неподалеку, как стог рыжего прошлогоднего сена, стояла юрта. Мусирали повернул своего коня к отаре. Акбала последовала за ним.

— Это отара Сарсенбая, — пояснил Мусирали. — Помнишь, завфермой был? В чабаны я его перевел.

Когда подъехали к юрте, из нее вышел заспанный Сарсенбай в своей неизменной матросской тельняшке. Схватив палку, он отогнал захлебывающихся злобным лаем собак, помог председателю слезть с лошади.

— Здравствуйте, ага! — приветствовал он Мусирали, суетливо вертясь вокруг него. — Проходите в юрту, отдохните.

— Здравствуй, — бросил Мусирали, словно не замечая готового ко всем услугам чабана. — Вот знакомься, наш новый зоотехник. Теперь держись!..

Сарсенбай удивленно выкатил большие, по-телячьи выпуклые глаза, приоткрыл от удивления толстогубый рот.

— Сноха нашей Ажар? — заикаясь от удивления, проговорил он и бросился к Акбале с рукопожатием. — Хорошо, очень хорошо, что вы приехали к нам. Прошу в юрту...

— Некогда, — ответила Акбала. Она привязала коня к вкопанной в землю жерди и предложила председателю: — Посмотрим отаов ага?

Овцы не были худыми, но не были и упитанными — такими обычно они выходят из благополучной зимовки. Однако Акбала обратила внимание на то, что уж больно жадно они выдирали из земли прошлогоднюю траву.

— Сена сегодня давали? — спросила она Сарсенбая, который из-за услужливости к приехавшим не накинул на плечи телогрейки и теперь поеживался от холода.

— С полчаса назад! — ответил, как отрапортовал он.

— А поили?

— Только что, товарищ зоотехник!

Ничего больше не сказав, Акбала вернулась к юрте, около которой лежала копешка сена, выдрала из нее пучок, в ковш из казана зачерпнула воды и снова направилась к отаре. Завидев ее, ближайшие овцы со всех ног бросились к ней. Вмиг был съеден пучок сена и выпита из ковша вода. Голодным блеянием овцы просили еще.

Акбала внимательно посмотрела на Сарсенбая. Тот сразу сник, ковыряя носком сапога землю, смущенно про-
бормотал:

— Опять, значит, захотели...

— Если так будете относиться к своим обязанностям, — плохо будет! — предупредила Акбала незадачливого чабана и, круто повернувшись, пошла к лошадям.

Мусирали, перекатывая на квадратных скулах тугие ло-
заки, свирепо погрозил Сарсенбаю камчой и, не сказав
ова, последовал за Акбалой.

— Мерзнут наши овцы зимой, — пожаловался он, когда выехали на дорогу. — Крыши дырявые, а крыть нечем. Просил, просил в области леса — не дают.

— Можно обойтись и без леса, — заметила Акбала и указала камчой в низину, заросшую тальником. — Тальником можно покрыть.

Мусирали усмехнулся.

— Разве это лес? Из него настоящей рукоятки для камчи не сделаешь.

— Все же крышу, я думаю, им покрыть можно, — настаивала на своем Акбала.

Председатель обидчиво бросил:

— Попробуй покрой!

— Лето придет и покроем, ага! — весело ответила Акбала, радуясь весне, солнцу, чистому и свежему воздуху и своей работе, которая, оказывается, такая интересная и нужная!

10

С горячего безоблачного неба солнце почти отвесно слало свои лучи на землю. Утомленные зноем, притихли даже жаворонки, и только людей жара не утомляла. Они работали. Мужчины рубили тальник, свозили его к двум кошарам, вытянутым в одну линию на склоне неглубокого оврага, и плели из него что-то наподобие переносных изгородей. За работой наблюдал Сарсенбай. Что-то изменилось в его характере: он стал требователен, криклив и регулярно брился и стирал свою знаменитую тельняшку.

— Ветки не обрубать! — приказал он мальчишке, который взялся было за топор, чтобы очистить ствол тальника от веток.

— Почему? — удивился паренек.

— Так сказала Акбала.

Паренек отбросил топор и начал раскладывать тальник для плетения. Пожилой колховник, ваделывая края плетенки, ехидно заметил:

— Если тебе Акбала прикажет, так ты и есть перестанешь!

— А ты сам не понимаешь, что глина лучше пристаёт, когда тальник с ветками? — раздраженно бросил Сарсенбай и направился к кошаре, на которой плетеным тальником мужчины ковали кобычу, а женщины обмазывали ее.

— А глина хорошо липнет! — заметила пышнотелая молодая вдовушка Жамал, бросая на плетенки пригоршни глины и аккуратно разглаживая их.

— Как наш Сарсенбай к Акбале! — ответила ее веселая, черная как жук, подруга и, расхохотавшись, посмотрела вниз, на Сарсенбая, как сорока с дерева.

Жамал поджала губы, сильнее зашлепала глиной по плетенке.

— К ней стоит липнуть, девушка красивая, — не унималась подруга.

— Какая она девушка! — язвительно проговорила Жамал. — От мужа ушла...

— Никуда она не ушла, у свекрови живет.

— А муж где?

Разговор женщин прервал необычно звонкий сигнал автомобиля. Они поднялись, поглядели вниз. К кошаре, мягко переваливаясь на ухабах, подъезжала сияющая голубым блеском «Волга». Послышались голоса:

— О, большое начальство пожаловало!

— Из области, наверное...

Машина остановилась. Из нее вышел молодой мужчина в белом костюме и соломенной шляпе. Сарсенбай, на ходу одергивая тельняшку, поспешил ему навстречу.

— Кого ищете, товарищ? — спросил он, снимая с головы свою драную шляпу, и приветственно помахивая ею.

— Мне сказали, что здесь... — мужчина помолчал, оглядывая работающих. — Что здесь ваш зоотехник.

— Нет, товарищ, сейчас она не здесь. На дойке, вон там под горой. А на что она вам? — Сарсенбай надел шляпу, провел ребром ладони по усикам.

— Я ее муж, — ответил незнакомцу, не замечая ни Сарсенбая, ни его желания услужить начальству.

— А-а, — растерянно протянул Сарсенбай, готовый провалиться сквозь землю от восторга почета колхозника.

... Дойка была в самом разгаре, когда к стаду неслышно подкатила машина. Наблюдающая за работой доярок Акбала обернулась, услышав приглушенный шум мотора, и... замерла, оглушенная гулко забившимся сердцем: из машины выходил Алмабек. Неторопливо он подошел к ней, устало улыбнулся и протянул руку.

— Здравствуй!..

— Здравствуй! — ответила Акбала, сиюсь казаться спокойной.

— Не ожидала?

— Признаться — нет...

Алмабек стряхнул с лица улыбку, посуровел.

— Мне нужно с тобой поговорить, — тихо проговорил он, злясь на любопытно поглядывающих на него доярок. — Но здесь неудобно.

— Хорошо, — согласилась Акбала, ободренная покорным видом мужа, и уже независимо предложила: — Отправь машину в аул, а мы пойдем туда пешком.

Акбала, не торопясь, сняла белый халат, аккуратно свернула его и положила на пустой молочный бидон. Скакала дояркам:

— Управляйтесь, девушки, без меня... Это мой муж, нам поговорить надо...

— Идите, управимся, — ответила за всех тетюшка Мариям и с улыбкой помахала Акбале рукой.

Алмабек узнавал жену и не узнавал. С одной стороны это была прежняя Акбала, красивая, стройная, с теми же длинными черными косами; с другой — очень знакомая женщина в пестром ситцевом сарафане, в дешевых тапочках на босу ногу, до черноты облитая степным загаром.

«Она, кажется, стала лучше, — думал он, молча шагая рядом с Акбалой и томясь от жары. — Степной воздух и солнце ей — как закваска кумысу. Но в городе она будет выглядеть теперь немного простовато...»

И ени на укатанной дороге были кортики, по бокам неутомительно трещали кузнечики, и ласточки, предвещая дождь, пронеслись так низко над землей, словно стремились схватить с нее что-то.

— А ты окрепла, поздоровела, — заговорил наконец Алмабек и, вызывая жену на сочувствие, добавил со вздохом: — А у меня гипертония.

— Я живу в селе, а гипертония — городская болезнь, — не оборачиваясь, равнодушно ответила Акбала.

И опять долго шли молча, разглядывая свои тени, и каждый думал о своем. Снова первым заговорил Алмабек.

— Решай, Аля: или ты возвращаешься со мной, или мы порываем окончательно...

Из набежавшей тучки вдруг шаловливо брызнул теплый дождик. Акбала широко раскинула руки и побежала, точно полетела. Потом остановилась и бросила с улыбкой:

— Смотри, какая кукуруза!

Алмабек посмотрел, куда указывала жена, и невольно остановился. Неподалеку от дороги, казалось, нескончаемо тянулось кукурузное поле. Оно походило на толстый зеленый пласт, сработанный умением и трудом человека в этой вечно сухой степи и положенный им во имя своего счастья.

Акбала дождалась мужа и заговорила с ним просто, непринужденно, словно не слышала его требовательных слов о возвращении:

— Все дело, оказывается, в осадках: В этом году дождей было больше, чем в прошлые, и она вон какая выросла — уже на целый метр ушла от земли. Мусирали-ага считает, что нынче мы соберем небывалый урожай. — Акбала сложила ладони лодочкой и стала по-детски восторженно ловить в них капли дождя. — И вот опять дождь... Как хорошо!.. И отсюда, Алмабек, я никуда не поеду. Слышишь?..

Алмабек поживаясь, покосился на тучу и проворчал:

— Черт возьми, дернуло же меня отправить машину!

— Дорогой, самое лучшее средство от гипертонии — степной дождь! — Акбала взяла мужа за руку и потянула его за собой, к стогу сена, стоящему поодаль.

Пахло сырими травами, ноздри щекотал горьковатый аромат полынка, и теплый, освеженный дождем воздух, кажется, сам врывается в легкие и растекался по телу живой бодростью. Алмабек невольно вздохнул: сколько лет он уже не чувствовал и не видел этой чудной благодати родного края!

Незванно из памяти всплыла одна старая легенда: когда-то какой-то хан тиетно звал родного сына из чужих земель. Уговоры, мольбы не помогли. Молодой хан не хотел возвращаться на родину. Тогда отец послал ему пучок полыни — кусочек родины. Понюхал молодой хан степную траву, заныло его сердце, и постылой стала чужбина. Он вернулся туда, где родился, вырос...

Гремел гром. Алмабек покорно пошел за женой.

В далекой глуши на маленьком разъезде из семи-восьми домиков тихо и мирно протекала размеренная, небогатая большими событиями жизнь.

Дежурный по станции Темирхан, в твердой красной фуражке и черном кителе с блестящими пуговицами, каждый день появлялся у путей. Покручивая тонкие усики, преисполненный важности, он не спеша прохаживался в ожидании прибытия поезда, встречал и провожал проходящие составы. Когда проходил пассажирский по-

езд — а это случалось один раз в сутки — то встречать его выходили все жители разъезда, от мала до велика. Прибытие пассажирского нарушало монотонную жизнь маленького разъезда. Пятиминутная стоянка поезда становилась веселым праздником для местных жителей. Они разглядывали проезжающих, заговаривали с ними, охотно отвечали на все вопросы. Молодежь успевала перекинуться шутками. Иногда, правда очень редко, встречались знакомые к общей радости всего разъезда. Впечатлений было так много, что женщины не успевали наговориться до прихода очередного поезда.

Надо сказать, что остановка пассажирского была не единственной радостью жителей глухого местечка. Два раза в месяц, в тупике на третьем пути, останавливался киновагон. Каждый раз он привозил новые фильмы, книжные новинки, газеты, журналы, иногда лектора, изредка целый коллектив художественной самодеятельности. Приходил

вагон-лавка с продуктами и разными промтоварами. Аккуратно появлялась вагон-касса, которая привозила зарплату обходчику дороги Досая, водовозу — дедушке Жакыпу и другим.

У старого Жакыпа и обходчика Досая, тоже далеко не молодого человека, есть, помимо общих, и свои, сугубо личные радости. После работы они встречаются неподалеку от домиков, на холме, с вершины которого хорошо видны и разъезд, и полотно дороги, и все поезда. Старики садятся прямо на сухую землю, скрестив ноги, и начинают неторопливый, задушевный разговор. Каждый день они говорят о своих детях, и им никогда не надоедает эта тема. Темирбек, сын Досая, вместе с Жаныл — дочерью Жакыпа — учатся в техникуме на станции Актас.

— До приезда детей остается десять дней, — говорит Досай.

— Не десять, — возражает ему Жакып, — а только девять.

— Правильно, — соглашается Досай, — если не считать сегодняшнего дня, остается только девять.

Они, конечно, любят своих детей, скучают по ним, нетерпеливо ждут их возвращения. Их нетерпение подогревается еще и тем, что друзьям хочется как можно скорее провести в жизнь свой тайный стариковский сговор. У обоих — одно заветное желание: поженить Темирбека и Жаныл. Ничего в этом нет удивительного и неосуществимого. И годами, и образованием их дети равная пара, да к тому же оба они имеют достойных родителей...

Досай, поправив на голове мерлушковую шапку с желтым бархатным верхом, слегка запрокидывает голову и долго задумчиво глядит в сторону Актаса. Сейчас он не думает о Темирбеке: в достоинствах сына Досай никогда не сомневался. Он вспоминает девушку Жаныл, живую и проворную, гибкую, как лоза, нежную, скромную, белолицую,

с черными, сверкающими, как бриллиант, глазами. «Хорошая невестка в доме не хуже родного сына», — заключает Досай свои думы и ласково смотрит на Жакыпа (старики втихомолку уже давно называют друг друга сватами, давно породнились), в приливе добрых чувств поглаживает усы.

В то время как два старика так и этак кроили и шили судьбу нареченных, в жизни глухого разъезда произошли неожиданные события. На берегу речки Чилик, по соседству с разъездом, вдруг появились два жилых вагончика, зазвенели молодые голоса, по вечерам загремели песни. Вскоре раскинулись палатки в два ряда, застучали топоры, и новый совхоз стал расти не по дням, а по часам, как в сказке. Не прошло и месяца, как свежеструганным тесом застелтели окна и двери в новых домах.

Поначалу Досай и Жакып оставались равнодушными к появлению расторопных соседей: пожалуйста, земли много, селитесь на здоровье, нас это не касается. По доброте своей старики не думали об «опасностях», которые таило в себе появление нового соседа.

Прежде всего старый Жакып лишился работы. А ведь он, слава богу, проработал одиннадцать лет водовозом. И вот теперь совхоз пробурил артезианскую скважину, уложил водопроводные трубы и одну из них довел до разъезда. Раньше Жакып два раза в день привозил воду на своей рыжей кобыле. Каждому двору доставалось по четыре, иногда по пять, а при хорошем настроении Жакыпа и по шесть ведер воды. А теперь женщины брали сколько угодно — подходи к трубе и таскай хоть двадцать ведер.

До появления скважины водовоз пользовался большим уважением, особенно среди хозяек. Все почтительно называли его «Жаке, Жаке!», приглашали в гости. Теперь, как оказалось Жакыпу, его авторитет стал падать с каждым днем. Из штатного расписания скоро вычеркнули долж-

ность водовоза. И теперь вагон-касса не привозила зарплату старому Жакыпу.

А вскоре и вагон-лавка прекратила свои наезды. В новом доме совхоза, под зеленой крышей с большими окнами, глядящими прямо на разъезд, открылся магазин. Там было полно и продуктов, и промтоваров. Женщины разъезда зачастили туда и в два дня протоптали такую заметную тропинку, словно ходили по ней лет сто, не меньше. Вечерами перед магазином стали собираться не только покупатели, но и все свободные люди: поговорить о новостях, просто повидаться, познакомиться.

Но магазин не остался последней новостью для разъезда.

Вскоре в совхозе открылся клуб, в котором чуть не каждый день менялись кинофильмы, гремела танцевальная музыка, пестрели афиши, приглашающие на концерты и лекции. И даже такое важное событие, как приход пассажирского поезда, вскоре перестало интересовать жителей маленького разъезда.

Старики наконец-то дождались своих детей, приехавших из Актаса, но радость встречи была недолгой — с первых дней Темирбек и Жаныл повадились в совхоз и быстро подружились с комсомольцами. Жаныл стала возвращаться домой не одна, всякий раз ее провожала целая ватага девчат. В доме Жаныл только и говорили о каких-то Варе, Лене, Гале, Аняте. Девчата стали частенько собираться у Жаныл, перекрестили ее, называли Женей, пели звонкие оглушительные песни, хохотали, плясали так, что дрожали стекла в окнах — в общем, всячески старались перевернуть вверх ногами дом старого водовоза. Асылтас, бывшей горожанке, нравилось веселье в доме, она радовалась за дочь, но Жакыпу молодежный ералаш пришелся не по душе. Однако он не ругался, не запрещал Жаныл ходить к девчатам, сдержанно молчал.

«Ладно, еще молода, можно и повеселиться немного, — думал он. — Скоро выдам замуж за Темирбека. Обзаведется семьей, родит ребенка — и все сразу образуется».

По вечерам Жаныл отирашивалась у матери:

— Мама, я пойду с девчатами немного потанцую?

Мать отпускала ее, но постепенно Жаныл перестала спрашивать разрешения, стала уходить без спроса и домой приходила, ой-бой, совсем поздно, когда уже отец не мог бодрствовать в ожидании загулявшей дочки и крепко засыпал.

Однажды Жакып пошел в магазин чтобы купить себе новые галоши. И купил их, глубокие, настоящие галоши с широкими языками сверху. В хорошем настроении он пошел домой, как вдруг на танцплощадке увидел свою дочь. Боже мой, она танцевала не с девушкой, как всегда уверяла Жакыпа жена, — она вытанцовывала с каким-то рослым кудрявым детиной!.. Старик внимательно обвел глазами присутствующих, и что вы думали! Увидел в сторонке Темирбека, своего будущего зятя. Он стоял по уши занятый болтовней с этой самой рыжеволосой Анютой из совхоза. Жакып тихонько подошел к ним и поманил Темирбека пальцем.

— Темир, разве ты не умеешь танцевать?

— Умею.

— Так почему ты стоишь? Почему ты болтаешь языком, а не ногами? — И Жакып кивнул в сторону танцующей дочери, но Темирбек, видно, не понял его намеков и снова отошел к своей рыжеволосой.

Как-то незаметно вместе с Леной, Варей и Галей в доме Жакыпа стали появляться совхозные парни Петя, Саша и Боря. Они тоже называли Жаныл ласково и совсем не по-казахски: Женечкой. Это корбило Жакыпа, приход незваных гостей будто шипами колод его сердце. Но он терпеливо молчал, сдерживался. Мало-помалу дело стало

принимать еще худший оборот. Вместе с тремя парнями в дом стал захаживать и четвертый, тот самый кудрявый смуглый здоровяк, с которым Жаныл танцевала в день покупки новых глубоких галош. Звали его Володей. Жакып сразу придирчиво начал следить за ним и заметил совсем тревожный признак: рядом с Леной, Варей, Галей были Потап, Сама и Берд, а Володя так и кружился возле его дочери.

Однажды, подходя вечером к дому, Жакып через окно увидел всю компанию за столом, на котором дымился ярко вычищенный медный самовар. У самовара стояла улыбающаяся Асылтас и угощала всех восьмерых чаем. Терпение Жакыпа истощилось. Споткнувшись о порог и чуть не лопнув от гнева, он собирался разразиться громовым проклятием, накричать на всех и выгнать их на улицу. Но когда он вошел в комнату, все, кроме Жаныл, моментально поднялись и вежливо приветствовали хозяина. Жакып даже опешил от такого приема, гнев его сразу остыл, но все-таки он сказал дочке ехидным голосом:

— Вы что-то все парочками, как гусак с гусыней, водой вас не разольешь с парнями.— Больше он ничего не сказал молодежи, но когда они разошлись, старик набросился на жену:

— Нашла кого угощать! Зачем тратишь чай и баурсаки? Кто они такие? Может быть, они твою дочь приходили сватать, а ты их угощаешь!

— Не волнуйся! Они пришли не свататься, а просто, как к хорошему хозяину, в гостеприимный дом. Это друзья нашей дочери. Жанылжан подружилась с ними и теперь не хочет уезжать в Актас, остается работать в совхозе. Что тут поделаешь? Пусть работает на здоровье. И пусть гуляет. Ты говоришь, парочками, как гусь с гусыней? Разве это плохо? Ты думаешь, будет лучше, если твоя дочь станет ходить одна, как страус? — энергично стала напирать Асылтас.

— Ладно, ладно! — отрезал Жакып, не желая спорить с женой. — Успокойся, шумишь, как горный ручей!

Ему понравилось решение дочери не уезжать из родного дома. «Это очень хорошо, — думал он, — Жаныл всегда будет на наших глазах. Темирбек, надо полагать, тоже останется здесь. Неплохо, если молодая семья будет работать в совхозе». С этими мыслями мрачное настроение Жакыпа исчезло, как исчезает туча от свежего ветра.

Но поведение дочери беспокоило старика все больше и больше. Веские причины появились для беспокойства. Слишком зачастил в их дом кудрявый Володя. При встречах с бывшим водовозом он так низко раскланивался, так чрезмерно старался показать свою почтительность, что невольно вызывал недобрые подозрения.

«И чего он обхаживает меня, как необъезженного жеребенка? Приходит в дом чуть не каждый вечер. Он мне не племянник, я ему не дядя, в чем же дело?» — раздумывал Жакып, поглядывая на парня с холодком.

Однажды они разговорились, и кудрявый парень окончательно не понравился Жакыпу. Когда Володя начал расхваливать свой совхоз, старик в сердцах перебил его:

— Из-за такого совхоза я лишился работы!

Парень оторопел.

— Как так?

Искоса поглядывая на собеседника, Жакып рассказал, почему он остался без места, на котором проработал одиннадцать лет.

Володя горячо возмутился такой несправедливостью.

— Я завтра же поговорю с нашим директором. Он найдет вам подходящую работу, — пообещал он.

«Ишь, какой щедрый на обещания, — подумал старик. — Наверняка прохвост».

— Не стоит за меня беспокоиться, — брякнул он на прощание.

Наступил канун Первого мая. Жакып как-то возвращался домой после очередной беседы с Досаем. На пороге дома его встретила радостно-возбужденная Асылтас. Заползши в неладное, он шагнул в комнату и увидел на столе букет цветов рядом с каким-то свертком.

— Что это?

— Подарок.

— Что это еще за подарок?

— В честь Первого мая.

— Гм! От кого?

— От Володи.

Жакып чуть не задохнулся от ярости. Несколько мгновений он стоял, будто окаменев, не в силах выговорить ни слова.

«Он всех обворожил, этот хитрый шайтан!» — решил старик. Первым делом ему захотелось схватить букет вместе со свертком, не медля побежать в совхоз, найти этого кудрявого злоумышленника и бросить ему в лицо подарок.

Но бежать в совхоз было далековато, да и не пристало бегать к парню, у которого еще молоко на губах не обсохло. Поэтому Жакып решил сорвать зло на жене.

— Ты чему радуешься? Тому, что какой-то никому не известный Володя оказал внимание нашей дочери? А кто он такой? Сын? Брат? Родич? Отвечай, какое он имеет отношение к нашему дому?

Но Асылтас не испугалась.

— При чем тут сын или брат? Дорого внимание, — ответила она с улыбкой.

— Внимание, внимание! — проворчал Жакып, вспоминая последний разговор с Досаем.

Они встретились по обыкновению на вершине холма, поговорили о погоде, и потом Досай, будто невзначай, равнодушным тоном спросил:

— Жаке, кто этот юркий кудрявый джигит, который почти живет в вашем доме?

А Жакып и сам толком не знал, что это за джигит. Слышал козем уха, что поехал он из-под Москвы, оставил дома старуху-мать и маленькую сестренку. Сам работает механиком. Но разве можно родителям верить всему, что им говорят? А может быть, у него там не старушка-мать и сестренка, а законная жена и ребенок? Старик Жакып пустым словам не верит. Такой представительный, здоровый парень и до сих пор не женился! Нездешний, никто его не знает, вот и прикидывается холостяком...

На руке Володи Жакып давно заметил глубокий шрам. Попробуй догадайся, откуда он появился: или в пьяной драке на улице, или на войне парень отличился. Кто тут разберет, где правда?

Ему захотелось немедленно устроить шумиху, высказать все откровенно этому парню, выгнать из дому всю компанию подобру-поздорову, пока плохих дел не успели натворить, и запретить дочке ходить в совхоз. Но он сдержался, решив подождать, что же будет дальше.

К удивлению Жакыпа, Володя сдержал свое слово: бывшего водовоза вызвал к себе директор совхоза и предложил очень подходящую работу: взять под опеку километровую узкоколейку, проложенную от совхоза до разъезда. Старик охотно согласился, тем более, что зарплата оказалась выше той, которая причиталась водовозу.

Домой он возвращался в хорошем настроении, с чувством теплоты и благодарности к пареньку. Но, войдя в комнату, он почувствовал, как вся его доброта улетучилась, подобно дыму. За столом, на почетном месте, сидел Володя, а вокруг него хлопотали жена и дочь. Все трое замолчали при его появлении. Володя вскочил на ноги и почтиительно поклонился. Жакыпу показалось, что тот слишком уж скоро освоился в его доме, больше на хозяина похож,

чем на гостя. Он холодно ответил на приветствие и молча прошел на свое место. Нахмутив брови, долго глядел в окно и вдруг набросился на Асылтас.

— Опять не догадалась кобылу привязать! Хочешь, чтобы всю скирду раздергала! — заорал он.

В этот вечер Жакып твердо решил закруглять дела со свадьбой Темирбека и Жаныл и тем самым положить конец Володиным хождениям.

На другое утро он направился к свату Досаю договориться окончательно о дне свадьбы. Дойдя до ворот своего старого приятеля, он остановился как вкопанный. На лавочке, прижавшись друг к другу, сидели двое: Темирбек и рыжеволосая Анята. У Жакыпа от удивления отвисла челюсть, и он долго стоял с раскрытым ртом.

В воротах показался Досай, он собрался идти в обход, на работу. Жакып, забыв поздороваться, сразу сказал ядовитым тоном:

— Досеке, поздравляю тебя с птичкой!

— С какой птичкой, Жаке?

— Неведомо откуда прилетевшей птичкой с рыжими крыльями!

Досай не видел Темирбека и Аняту — они сбежали при его появлении, — поэтому он не сразу понял, что подразумевал его приятель, говоря о «птичке с рыжими крыльями».

Так медленно и незаметно, одно за другим, появились препятствия для осуществления тайного стариковского сговора. Они всерьез забеспокоились, стали чаще собираться на вершине холма и держать совет, но молодежь тоже не дремала.

— Володя хочет поговорить с тобой, — сказала однажды Асылтас мужу.

— О чем?

— Он хочет посвататься к Жанылжан.

Старик так и сел на месте, словно обухом по голове хвятили. Больше у него не было сил терпеть. Он немедленно собрался и пошел в совхоз искать Володю, чтобы объясниться с ним, чтобы он прекратил всякие ухаживания за дочерью.

Он нашел его в мастерской. Без рубашки, голый по поясу, Володя тесал топором желтый, широкий брус. Тело его блестело от пота. Жакып остановился и некоторое время наблюдал за ним. Он любил проворных работников, умельцев. Но вот Володя заметил вошедшего, смутился, начал поспешно одевать рубаху. «Все-таки совестливый», — подумал Жакып, и гнев его начал таять, как весенний снег.

— Подойди сюда, — сказал он сурово, — и объясни, о чем ты там болтаешь с женщинами.

Володя, красный как кумач, понял, о чем говорит старик, но прямо заявить ему о своем намерении жениться на Жаныл у него не хватало смелости.

— Под Москвой, говоришь, проживают твои родители?

— Да, я говорил вам, что отец мой умер, а мать и сестренка живут в Мытищах. В заводском доме.

— Мать работает на заводе?

— Нет, не работает. На заводе я работал.

— А ты не помнишь свою улицу, номер дома и номер квартиры?

Володя назвал улицу и номер, подумав при этом: «Наверное, письмо решил написать и выругать меня».

Уходя из мастерской, старик строго предупредил:

— Стоит ли тебе ходить в наш дом и кружить голову слабоумным женщинам?

И Володя перестал заходить в дом Жакыпа. Но беда в том, что события продолжали развиваться вопреки желани-
ям Жакыпа.

— Жанылжан просила меня поговорить с тобой, отец, — сказала однажды Асылтас.

— О чем?

— Она любит Володю. Просит, чтобы ты разрешил ей выйти за него замуж.

Старик тяжело вздохнул, втайне он давно предвидел такой разговор и, откровенно говоря, боялся его.

— Ладно, пусть немного подождет. Я дам свой ответ через месяц.

— Не слишком ли долго, отец?

— Ничего, пусть подождет. Мне надо посоветоваться.

С кем же он будет советоваться? Есть родственники в Актасе, есть и в дальнем колхозе... Но Жакып не поехал ни в Актас, ни в колхоз. Воспользовавшись бесплатным билетом железнодорожника, он укатил прямо в Москву. На прощанье он еще раз предупредил Асылтас:

— Пусть дочь подождет моего возвращения!

2

В Москве он пробыл недолго, узнал, как добраться до Мытищ, сел на электричку и поехал туда. Ему указали дом, где живет мать Владимира Званцева, и Жакып вошел во двор. Марфа Яковлевна кормила гусей. Она удивилась, увидев железнодорожника, коренастого, пожилого казаха с густыми седыми усами.

— Вы мать Владимира Званцева?

— Да,— ответила она.— А вы откуда?

— Я из Казахстана. От вашего сына.

Мать обрадовалась, словно увидела близкого, родного человека, пригласила приезжего в комнату, помогла раздеться, повесила его пальто на вешалку, всячески старалась оказать внимание гостю. Она прогнала белую пушистую кошку с мягкого кресла и усадила гостя.

— Володя говорил, что у него сестра есть,— начал Жакып свой допрос.

— Да. Она в университете учится и домой приезжает только по воскресеньям.

Марфа Яковлевна поставила самовар и хлопотала возле стола.

«Она совсем похожа на мою Асылтас, гостеприимная и приветливая», — удовлетворенно подумал Жакып.

— Казахи очень любят чай, правда? — спросила Марфа Яковлевна.

Да, откуда вы знаете?

— Во время войны жила в Казахстане.

Тут Жакып решил получить ответ еще на один из тревожащих его вопросов.

— А где был Владимир?

— На фронте. Воевал. Был ранен в руку, но слава богу, цел остался.

Жакып дипломатично-тонко и напористо продолжал вести расспрос.

— Разве у вас нет невестки?

— Пока еще нет. Холостяком поехал на целину. Не знаю, как там.

— Да-а... Там, конечно, он может найти себе пару, — неловко ответил Жакып. Кто его знает, почему он почувствовал неловкость.

К вечеру он собирался ехать обратно, но Марфа Яковлевна его непустила.

— Переночуйте у нас. Если Володе дадут квартиру на целине, то и мы к нему переедем. Земляками будем с вами.

А вечером в квартиру ввалилась целая толпа заводской молодежи. Все они были друзьями Володи, узнали, что приехал гость с целины, и пришли поговорить о новостях. Один из юношей оказался секретарем комсомольской организации. Звали его Семеном, он больше всех задавал вопросы: где находится совхоз, да как до него добраться.

— А местность там какая? — спросил молодой слесарь.

— Самая замечательная! Лучшей в мире нет.

— А как насчет квартиры?

— Совхоз строит много домов, скоро все получат.

— А девочки там есть? — спросил Семен с улыбкой.

— Хватает, — авторитетно ответил Жакып. — Есть Анюта, Варя, Лена, всех не перечтешь. Все красавицы как на подбор.

— А как Володя живет?

— Он часто бывает у меня в гостях. На мой взгляд он здоров. Хороший человек, обходительный.

— Он был лучшим среди нас, — сказал Семен, — поэтому мы его и послали на целину.

— А вас много?

— Больше трехсот.

— И Володя лучше всех трехсот?

— Да, самый лучший.

Жакып, гордясь своими познаниями, начал все больше и больше нахвалять совхоз, который он считал своим родным и от имени которого выступал как уполномоченный для вербовки на целину. И ему удалось заразить молодых слушателей желанием поработать на целине.

Услышав, как отзывается Жакып о ее сыне, Марфа Яковлевна повеселела. «Он везде уживается, мой сын, везде его уважают. Вот уже и на новом месте обзавелся добрыми друзьями», — думала она, в душе гордясь им.

Марфа Яковлевна не поскупилась на угощение — зарезала жирного гуся. Жакып с удовольствием ел вкусную гусятину и про себя думал: «Если она ко мне придет, зарезу барана!»

Он уехал на другой день, так и не сказав ничего о причине своего приезда. Прощаясь, оставил свой адрес: «Разъезд 17. Жакып Танабаев».

— Вы там свой человек, не оставляйте Володю без внимания, — попросила она на прощание.

— Хорошо, хорошо. А вы приезжайте к нам. Дайте телеграмму, я сам встречать буду.

— Если Володе дадут квартиру, приеду.

— Постепенно дадут; конечно. Но зачем вам ждать квартиру. Приезжайте скорей, моей гостьей будете!

3

Жакыпа встречали все жители маленького разезда во главе с дежвоным Темирханом в красной фуражке. Здесь были Асылтас, Жаныл, старик Досан и Темирбек с рыже-волосой Анютой. На краю перрона, чуть в сторонке, стоял молчаливый Володя.

Жакып здоровался со всеми шумно, широким жестом подавая руку — как-никак в Москве человек побывал. Дочь смотрела на него выжидательно и тревожно. Жакып понял ее состояние, но ничего не сказал. Он поманил к себе пальцем Володю и протянул ему руку.

— Здравствуй, Владимир. Я привез тебе привет от матери, Марфы Яковлевны!

— Как! — удивился Володя. — Разве вы у нас были?

— Конечно, был, гостил. Скоро сама мать должна приехать.

— Хорошо. Жаль, что еще квартиры нет, подождала бы до новоселья.

— Она придет не к тебе, а ко мне.

Лицо Жаныл разрумянилось, она не выдержала и звонко, радостно рассмеялась. Засмеялись и другие встречающие. Улыбнулся и сам Жакып.

Асылтас крепко обняла дочку и поцеловала ее, потом обняла Володю, Темирбека, Анюту и тоже всех крепко расцеловала.

— Будьте счастливы, дети мои! Пусть будет радостным ваше новоселье!

прислонился к рогожному тюку и под равномерное покачивание грузовика уснул.

— Эй,— услышал я вдруг голос шофера,— кажется, это и есть ваше Акшоки или Сарышоки...¹

Я торопливо протер глаза.

Машина стояла у леса, который без конца и края тянулся по широкой долине. Слева, как наконечник копья, уходила в небо черная вершина. Над ней висел молодой серп месяца — как золотой венчик над могилой.² Сарышоки?!

Кругом была тишина и тьма, только журчала вода. «Кажется, это журчит речка Кос,— подумал я.— А там ивы, красный тростник, березки...»

— Спасибо,— сказал я шоферу,— все правильно. Приехал.

Я слез с машины и простился с шофером.

Поднимаясь на холм, наклонился, потрогал рукою землю: она была мягкая, как шерсть верблюжонка. Потом взял горсть земли и прижался к ней щекой, понюхал — такая же, какой я ее помнил: нежная темно-серая глина.

Было за полночь. Созвездие Плеяды сходило с зенита. Стожары светились у самого горизонта.

«Ночью в аул не пойду,— думал я,— никого не стану будить, заночую на вершине Сарышоки, подставляю лицо знакомому ветеру, послушаю журчание родного Коса».

¹ Акшоки и Сарышоки — названия местностей, дословно: Белый холм и Желтый холм.

² Полумесяц обычно устанавливается на самом конце намогиляника.

Вот и вершина холма. Сейчас уже лето — пора буйной зелени. Вдыхаю то горький, то терпкий запах влажных от ночной росы листьев таволги, дикого лука, молодой полыни и сочный запах солодки; легкий ветер ласково гладит голову.

Опускаюсь на землю. Надо мной темное небо. У меня такое ощущение, будто снова возвратилось далекое детство.

Перед рассветом ветер усилился, на небе задвигались лохматые облака. Над всеми косяками и землями слышу оо-оооо. Но, право, нигде нет таких, как над моей родиной. Я гляжу, как они приходят, громоздясь и разрываясь, и вижу там, вверху, то будто бы лежащего верблюда, то кочующих людей.

2

Стою на вершине Сарышоки. Перед восходом солнца все окрест прозрачно и чисто. И далекое, и близкое видно отчетливо.

Справа — бугры с краснеющими южными склонами; они краснеют оттого, что в камнях много хны. А дальше в беспорядке синеватые гребни Акжумака сливаются с дальним перевалом Акшатау...

Налево речка Кос с густыми лесами и буйной зеленью по берегам, а еще дальше — желтая, как спина лисицы, степь, которая вместе с буграми Окпеты и Шолакеспе упирается в высокие скалистые цепи гор...

Если все это сравнить с Тянь-Шанем и Гималаями, где я скитался долгие годы, чьим воздухом так долго дышал, то и горы покажутся маленькими бугорками. Но «дома постель из соломы — перина», а это моя родина...

Наш дом стоял у подножия холма. С бьющимся сердцем, спотыкаясь и падая, я сбежал в долину.

Дома не было; глиняные стены размыли дожди и развеяли ветры. Там, где прежде горел очаг, где жили мы

тихо-мирно, теперь пустое место. Сохранились лишь остатки каменных стен сарая. Высокие ветвистые бурьяны, полынь, курай разрослись густо, будто хотели скоронить от глаз даже признаки былого...

Сжимая шапку, я стоял и смотрел на стены. И видел тех, кого давно нет в живых: молодых отца и мать, родную сестру Нурипу...

«Когда покидали тебя, нас было четверо, моя семья. Но только Даулетхан вернулся обратно», — говорю развалинам и отворачиваюсь, медленно бреду по долине.

«Разве четверо? Нас было пятеро, — поправляю тут же себя. — Прибавь белоногого коня...»

3

На свете немало любителей лошадей. Но до сих пор кажется, что вряд ли кто может сравниться с моим отцом. Кокаяк¹ был нашей радостью, но и беды наши начались с него.

С Кокаяком мы не боялись ни голода, ни того, что станем от кочующих. Это был темно-серый конь с маленькой звездочкой на лбу. И, если не ошибаюсь, с белой до колена задней ногой. Шел он легко, быстро, и ноги хрустели в суставах.

Отец часто уезжал на нем в далекие края. Когда возвращался с хорошим заработком, играл на домбре, иногда даже напева^л потихоньку. Начало одной из песен я и теперь помню:

Кокаяк силен и быстр,
Не догнать степному ветру...

В своей жизни отец часто ошибался, но никогда до самой смерти не сознавался в этом. Когда началась коллек-

¹ К о к а я к — белоногий.

тивизация, в народе пошли самые разные разговоры. Услышав, что «будут объединять весь тягловый скот» (а потом и вправду начали понемногу собирать лошадей и быков), отец потерял покой: «Как же я отдам своего Кокаяка?»... «Хорошо, если отделаешься только Кокаяком, Исахан,— говорили люди.— Твоя Нурипа уже на выданье. Вот чего бойся...»

Много сонных веросанов тогда везли кокузов!

И для отца постель стала камнем, а пища — отравой. Нурипе — моей старшей сестре — тогда только что исполнилось пятнадцать лет. Вскоре отец стал замечать, что один из активистов-джигитов зачастил к нам и не совсем равнодушно глядит на Нурипу... «Собирайся, Жамиля! — вдруг приказывает матери отец.— Одевай Даулета и Нурипу, клади в телегу, что нужно». — «Куда же мы денемся? Покинув родное кочевье, где ж мы найдем приют?» — запричитала было мать, но отец оборвал: «Говорю, собирайся — значит, собирайся! Просторный Шингиз стал тесным для нас. Подамся на ту сторону... Говорят, кое-кто уже уходит...»

Лишь позднее я узнал, что «та сторона» — это Китай.

4

Вот так мы и стали беженцами, одинокой семьей бедняка, бредущей невесть куда.

Мы впрягли Кокаяка в арбу, навалили посуду и узлы и все это как попало перетянули арканом. Рыжую корову привязали к оглобле, на теленка надели намордник, чтобы не сосал, и пустили к матери. В сумерки, скрипя засохшими кривыми колесами, арба потащилась в дальнюю дорогу. Мать устроилась на узлах. Мы с Нурипой плелись позади, изредка забираясь наверх, к матери, чтобы немного отдохнули ноги

Недалеко от оврага до сих пор стоит белое надгробие с четырьмя шпильями по углам. Там лежат останки наших предков. Свою тайну, которую не открывал ни одной душе, отец поведал покойникам. Поравнявшись с надгробием, остановил арбу, встал на колени и трижды прочел молитву «Кулку-алла»; он просил предков благословить нас всех. Потом заговорил с ними: «О милостивый дед мой, благородный отец мой! — сказал торжественно. — Ваши потомки отправляются в дальнюю дорогу. Будьте нам поддежкой!»

Мать заплакала. Тихо зарыдала и Нурипа. А я, поглаживая теленка и ничего не понимая, смотрел на могилы.

Так в тихую летнюю ночь мы покинули Шингиз.

Через два дня вышли в широкую степь. Закутанный в синюю дымку верблюдогорбый Шингиз смотрел вслед, будто спрашивал: «Что же вы делаете?» И только красноватый перевал Кулкуты скрытал Шингиз от наших глаз.

Днем отдыхали, а ночью шли вперед. Перешли реку Ашысу. Перевалили хребты Айгыржал, Бериккара, Топар.

Только через месяц мы подошли к Маканчи. Нас обдували ветры, обжигало солнце. Белое лицо Нурипы стало смуглым, а я превратился в черномазого постреленка.

Возле Маканчи нас настигла беда.

Кокаяк пасся среди высоких зарослей чингиля и вдруг забеспокоился, зафыркал, стал тревожно посматривать на свои бока. Отец так испугался, что затряслись руки.

Кокаяк то ложился, то вставал, тяжело вздыхая, — совсем, как человек. Он все смотрел на отца черными глазами, будто просил помощи.

Отец прочитал заклинание, попытался лечить своими средствами, но из этого ничего не вышло. На стоянках мы делали нечто вроде шалаша в тени арбы. И теперь мы сидели в таком шалаше и видели, что делалось с Кокаяком. «У бедного животного припадок», — шепнула мать.

Вскоре Кокаяк перестал подниматься на тонких дрожащих ногах и слег совсем. Все тело коня покрылось потом: никогда в дороге он не потел так сильно. Наконец дернулся всем телом, свалился на бок и вытянул ноги.

— Прирежь, не оставяя падалью! — сказала мать.

— Ох, Жамиля, как у тебя язык поворачивается! — отец заплакал. — Как я дотронусь ножом до его горла!

Я был еще совсем ребенком. И все же в душе осуждал отца за то, что он бросил родную землю. Но теперь, когда Кокаяк я покормил отца и от жалости вухтой у меня будто что-то перевернулось.

Казалось, отец потерял дар речи; сидел, понуро опустив голову, и все гладил, гладил черную свою бородку, будто молился.

Он вырыл могилу и с нашей помощью похоронил на вершине одного из холмов у подножия Тарбагатая своего Кокаяка, положив его головой на запад.

5

Смерть Кокаяка подействовала на нас не меньше, чем смерть близкого человека. Мы потеряли покой. Мать, которая никогда не прекословила мужу, вдруг «обрела язык»:

— Кокаяк покинул нас, — сказала она, тяжело вздохнув. — Не успели выехать — попали в беду! На полдороге остались пешком. Говорят: «Везде хорошо, где нас нет». Говорят: «Пока есть рассудок, найди родную сторонку». Старик мой, послушай меня, вернемся домой.

Отец молча сидел перед шалашом, нахмурившись, опустив голову, и упрямо чертил прутиком по земле. Казалось, он просто не знал, что ответить. Моя мать была из знаменитого аула семнадцати акынов Наймана, которые жили сплоченной, как созвездье Стожары, группой. Наверное, поэтому она то и дело вспоминала пословицы и поговорки.

Она говорила твердым голосом, уверенно. Суть ее рассуждений сводилась к тому, что, мол, получилась плохая дорога; пока не попали в большую беду, нужно возвращаться назад; если не сможем купить снова проданную решетку юрты, проживем в зимовье; год-два побудем жатаками¹; говорят же: «Заблудившихся не судят»...

Вдруг отец резко сломил прутик.

— Жамиля, э-ей, Жамиля! Оказывается, ты и красно-решето, и умна. Так где же ты была раньше?

— А ты спрашивал, советовался со мной? У заблудившегося впереди тропинка — позади дорога. Ты сам и мерил, и резал, — сказала мать.

— Э-э! Чем просить у тебя совета, лучше просить у птицы молока, — сказал отец.

Он не собирался отступить.

Мы стали жить в густых зарослях чингиля под арбой, в которую некого было запрягать. Пасли корову и питались молоком. Дня на два отец исчез неизвестно куда. Наконец ранним утром вернулся. С ним был тучный рыжеватый человек, одетый по-городскому: в белом жилете, в шляпе, татарин-торговец из Маканчи. Мы оставили ему арбу, белую кошму и кое-какие вещи, а взамен получили небольшого бычка. Навьючив на бычка и корову все, что у нас осталось, побрели дальше. Позади — родная земля, впереди — «та сторона», цель — счастье.

6

Не буду рассказывать о мытарствах на границе. Немало об этом написано в книгах. До сих пор жалею, что нас не задержали, что мы случайно проскочили. До сих пор

¹ Ж а т а к и — земледельцы, которые летом не кочуют на джай-ляу.

воспоминания терзают меня! Какое это было несчастье, что две коровы, бычок и четыре человека в непроглядную грозовую ночь при яростных вспышках молний перешли границу. Почему я послушался отца, не лег на землю под полосатым пограничным столбиком и, обняв его, не закричал о помощи?..

Словом, на краю одного из аулов сорока родов Кызай, кочующих по степям и горам огромного края Синьцзяна, появился маленький серенький шалаш. Так мы стали при-

То было время, когда старое правительство Китая с помощью огня и меча держало в жестких руках все края и провинции. И нам, конечно, никто не сказал: «Добро пожаловать!» У казахов были отчаянные начальники:десятники, сотники, тысячники. Они нас допросили, собрали о нас, беженцах, различные сведения, составили списки и подали их в канцелярию укирдай и вышестоящего занги. Укирдай, по-нашему волостной управитель; а занги, как уездный управитель, командует волостными.

В то время внутри рода Кызай, как и во всем Западном Китае, шла кровавая вражда. И у правительства Чан Кай-ши, и у местного генерал-губернатора подпруги то подтягивались, то ослабевали. Возникали разные партии, против них обнажали сабли сары-аяктар — желтые ноги, как по цвету обуви люди называли полицаев Чан Кай-ши.

А нам не было дела ни до чего... Если жизнь страны была необъятным океаном, то наша жизнь была вроде ловли чебака в луже у этого океана. Отец мечтал только о том, чтобы купить такого коня, как Кокаяк, который остался там, у Маканчи. Летом мимо нашего шалаша проходили косяки лошадей богатых аулов. Отец, сидя у шалаша, говорил скептически: «Нет здесь коня, что сравнится бы с Кокаяком. Господи, неужели и этих животных называют лошадьми?» Иногда в поисках заработка отец уходил в

странствования по всей Урумчи и, всюду приглядываясь к коням под всадниками или косякам на пастбищах, говорил со вздохом: «В этих краях кони все, как один, уж очень плюгавые. Во всей Урумчи я не встречал подобного Кокаяку...»

Мне было очень жаль отца, когда он, вставая утром с постели, обычно рассказывал: «Вижу я во сне, будто на своем Кокаяке еду вдоль нашего Коса. Кокаяк такой упитанный, сильный. Все тело его налитое, упругое. Я только трону ногой — и он стрелой несется по долине...»

Может быть, оттого, что Кокаяк был самой сладкой мечтой отца, — может быть, поэтому счастье, за которым мы тщетно гонялись, иногда представлялось мне в образе этого коня...

Но как мы ни гонялись, а счастье не давалось в руки, и мне всегда казалось, что оно не впереди, а уже где-то позади нас. Дни нужды обгоняли друг друга, мне исполнилось пятнадцать лет, а Нурипе — восемнадцать. Мать быстро состарилась, сникла. А Нурипа превратилась в красивую, стройную девушку. На этой стороне калым существовал по-прежнему; многие предлагали отцу калым и сватали Нурипу.

7

Была зима. Наше зимовье стояло у подножия горы Теке. Однажды, несмотря на лютый мороз и дальнейшее расстояние, приехал гонец от тысячника. Конь его был весь в мыле, а на морде настыл сосульками лед. Верховой привязал его прямо у нашего дома. Мы встревожились. Мать стала шепотом молиться, как делала обычно, когда пугалась. Но джигит-гонец приветливо поздоровался; стряхнув иней с подбородка, закрутил усы колечком и весело улыбнулся острыми глазами.

— Приглашает вас гостем к себе сам тысячник. Хочу, говорит, увидеть моего нового подданного.

Приглашение в гости в конце концов кончилось тем, что Нурипа стала младшей женой пожилого толстяка тысячника.

Через два года, уже семнадцатилетним, я поехал к сестре. Сильно похудела Нурипа, почернела, увяла, как трава в пустыне. Провожая меня за аул, молча заплакала. И только когда я спросил: «Почему ты худая, не больна ли?» — она ответила слабым голосом: «Печень болит».

До сих пор стоит перед глазами ее лицо; помню, повторяет она приветы матери, просит ее приехать, если можно. И ни слова про отца. Когда я уезжал в Теке, она долго смотрела вслед. Спустя три месяца сестра скончалась: ее не лечили; больная, она делала тяжелую работу.

Позже нам рассказали, что и в самом деле болела печень, а печень ей отбила старшая жена тысячника...

Мать быстро состарилась и еще больше сникла. Обострилась болезнь: повлияла смерть Нурипы. Через год она тоже скончалась. Надгробие ее, сложенное моими руками, осталось у подножия Теке.

8

Когда похоронили мать, заветной мечтой отца стала моя женитьба. Но без калыма нет и невесты. Чтобы собрать несколько голов скота для калыма, отец вместе со мной наехал к одному тамошнему уйгуру выращивать табак. Я работал вместе с отцом и урывками учился в уйгуро-казахской школе за определенную плату. Но, как говорится: «Не до жиру — быть бы живу»; за четыре года мы не заработали и четырех голов: все уходило на одежду и еду. И тогда у отца появилась другая мечта. Дошли слухи, что один из аулов Кызая — Рыскельды, который ушел в Индию, до

нее не добрался и остался между Цинхаем и Тибетом, так и кочует по Гималаям. И нет, мол, в том ауле ни одной юрты, в которой люди не разбогатели бы. И живут они без забот и печали, спят спокойно, за девушек не платят калыма, а скот там пасется без присмотра...

«Эх, найти бы тот аул, — вслух мечтал отец, — разгорелось бы наше счастье. Я бы отыскал себе коня вроде Коккаяка, а тебе — невесту, как пэри»¹.

И вот однажды, навьючив пожитки на двух кривоногих коров, взяв в руки палки с железными наконечниками для обороны от зверей, мы, двое пеших, вышли на дорогу, следуя по пятам за теми, кто шел в Гималаи. Мы искали аул Рыскельды.

Было лето, когда мы вошли в горы, такие высокие, что вершины, казалось, разговаривают с небом; вряд ли какая птица, даже сокол, долетала туда. С вершин низвергались камни и лед, по ущельям гулял холодный ветер — было какое-то светопреставление.

В этом крошечном холоде отец простудился, мы поневоле отстали от тех, кто искал аул Рыскельды, и поселились в пещере.

Три дня и три ночи мучился отец. Пепельно-седая голова, борода, будто покрытая инеем... Умер он у меня на руках. Последние заветы его, человека, который ошибался всю жизнь, были правильными. Перед рассветом он пришел в себя, погладил мои колени горячими руками и спросил: «Даулетжан, ты?»

У него и в мыслях не было, что рядом, кроме меня, нет ни души и вокруг бродят только хищные звери. «Ты, Даулетжан, пока здоров, возвращайся на родину, — сказал он прерывающимся голосом. — Не надо идти по стопам отца, иди своей дорогой...»

¹ Пэри — сказочная девушка красоты необыкновенной.

Своими руками я схоронил отца на склоне Гималаев.

Человек, чья душа не нашла себе места на всем белом свете, который обошел многие края, только в могиле обрел покой...

Я больше не искал Рыскельды. По собственным следам вернулся назад и пошел своей дорогой. С того дня у меня долгие годы была только одна цель: не Тибет и не Пакистан, а родина...

9

И вот стою на вершине Сарышоки. Устал и не выпался, но чувствую себя бодро; кажется, не устану глядеть по сторонам. Наконец я спустился к подножию.

По дороге в аул шли косяки лошадей. Они шли вверх по зеленой долине. Среди них встречались стройные кони, как наш Кокаяк. Косясь на меня, они храпели. Недалеко от табуна сидел на коне человек с соилом¹ поперек седла. Я подошел вплотную.

И только тогда узнал: это был Сауранбай, старший сын кузнеца Жунуса. Мы были соседями и на джайляу, и на зимовье. А узнал я его по небольшой — с клеща — родинке на щеке. Сейчас вокруг родинки выросла борода. В детстве мы росли вместе, как жеребята. Он был старше меня года на четыре. Как старший всегда командовал, когда играли в шашки, в бабки, в «белую кость»², а если находил нужным, то и наказывал. Он кричал мне: «Подставляй спину!» Если я не слушался и не подставлял, он пребольно сек меня прутом, а если подставлял, только раз шлепал легонько по спине...

— Доброго пути! — сказал он. — Кем будешь?

¹ Со и л — длинная палка с веревкой на конце. Им ловят коней.

² Б е л а я к о с т ь — название детской игры.

— Ты Сауранбай? — спросил я и с трудом улыбнулся.

— Да, Сауранбай. А ты кто?..

— Я подставляю спину, — сказал я тихо. — А ты меня шлепни...

— Эй, что ты говоришь?! — он скатился с седла, обнял за плечи. — Ты... Ведь ты Даулетжан?! — И вдруг поцеловал меня.

В первый раз за долгие годы слезы поползли по моим щекам. Когда в чужих краях, чуть ли не на краю света умерла родная сестра Нурипа (или трудная жизнь сделала мое сердце черствым, или просто крепился на чужбине — не знаю), я не плакал. Даже когда умирала мать, когда простился с отцом в далеких Гималаях и остался один на всем белом свете, не плакал.

А теперь, когда обнял товарищ детства, мой земляк, вдруг ослабело все тело и сам не заметил, как из глаз хлынули слезы. Мы беседовали долго, сидя на холме. Я спрашивал о родственниках, об ауле.

— А давно вы выпрягли коней от сохи? Они так упитанны, будто на них и не пахали...

— Теперь у нас трактор, — пояснил Сауранбай, — он все таскает.

В те давние дни, когда мы ночью покидали Шингиз, здесь, на просторной равнине под горой, среди желтых, как спина лисицы, трав, среди волнующегося белого ковыля стояло только каменное зимовье бедняка Манабая. А теперь были дома... Такие многолюдные стоянки у нас называют аулом или селом, а в тех краях, где я был, это считается городом. И я вошел в село, но не по большой дороге, не по улице, а задами, огородами...

Недалеко от нашего зимовья на Сарышоке у скалы Чертов камень жил старик Мусагали, примерно одного возраста с моим отцом. Его сын был теперь председателем колхоза.

Я вошел к нему в кабинет, когда тут было полно народу: одному он давал задания, другого ругал за ошибки. Он кивнул мне в знак приветствия и, прося подождать, показывал глазами на диван, что стоял у стены.

Люди постепенно разошлись, и председатель остался один. Это был полный смуглый человек с круглым лицом и черными глазами. Он подошел ко мне и сел на диван.

— Что-то не узнаю вас, — сказал он. — Похоже, вы не местный?

— Нет, я из этих мест. Эти горы, этот лес, это ковыльное поле — все это моя родина. Тут, у Коса, могилы моих предков, мое кочевье и зимовье, — начал я и рассказал Мусагалиеву все свои злоключения, всю свою жизнь.

— Ого! Будто книгу прочитал, — тихо сказал Мусагалиев и замолчал.

Я попросил самую трудную, самую тяжелую работу. Эту жизнь люди построили без меня. Они перенесли и лишения, и муки. И Отечественная война прошла без меня. Я тоже пережил лишения и муки. Но то, что пережил, я пережил из-за себя, и от этого не было людям ни пользы, ни радости. Поэтому и просил самую трудную работу.

— Дам вам машину, — наконец сказал председатель. — Привезете из Аягуза ваше имущество. Пока вернетесь, приготовим небольшую комнату. Нужно получить специальность, ведь вам уже немало лет. Что вы любите?

Я молчал.

— Лошадей... — наконец ответил я.

— А трактор знаете?

— Трактор — не лошадь. Я в нем ничего не понимаю.

— Это очень трудно, — сказал председатель и встал, — но нам нужны трактористы. По путевке правления поедете в Семипалатинск, на наши средства. Там окончите курсы механизаторов. Вы согласны?

... Я привез со станции Аягуз свое имущество и поселился в одной из комнат стандартного дома по соседству с Сауранбаем. Все родственники, с кем я встречался когда-нибудь, стали наперебой приглашать в гости. Через три дня, так и не успев переночевать в своей комнате, я уехал в Семипалатинск на курсы механизаторов...

10

Мы учились в двухэтажном доме, что стоял на самом берегу Иртыша. Рядом было общежитие. Я не сошелся близко с товарищами по учебе, да и учиться было трудно-вато; оттого, вероятно, и показался Семипалатинск таким скучным городом. Три часа сидим в классе и слушаем лекции по общей механизации, изучаем приемы вождения машин, чертим, пишем, понемногу занимаемся математикой и языком. После этого идем на учебное поле. Сюда привозят сельскохозяйственные машины всех видов: и тракторы, и комбайны. Здесь каждый из нас знакомится с их устройством. Своими руками собираем и разбираем механизмы, знакомимся с каждой деталью.

Всю жизнь я учился урывками, поэтому так тяжело было изучать трактор. Обучала нас молоденькая казашка. Она моложе нас намного, а очень образованная. Говорили, что выучилась она на механика в Барнауле.

Женщина она красивая. По вечерам было трудно отвести от нее глаза: днем, на работе, она от копоти и мазута казалась почти черной, а сейчас, умывшись и переодевшись, превращалась в стройную, нежную девушку со смуглым лицом. Закрученные в тугий узел на затылке волосы теперь превращались в большие косы. И тонкие пальцы, и брови взлет...

Мы, курсанты, говорим о ней, когда остаемся наедине.

«Она еще незамужняя», — говорят одни. «Нет, она была замужем. Разошлась с мужем», — говорят другие.

Зовут учительницу нашу Сая¹. Имя всего из трех букв. Но как мягкий припев песни. «Кому же ты будешь приятном? — думаю я. — Жизнь того человека стала бы и светлой, и радостной...

Но мы зовем ее не по имени, а почтительно «учительница» или ласково «сестра». Что делать: хоть она и моложе, а звание выше — остается только слушаться.

11

Нас, двоих неуспевающих, Сая оставляла на дополнительные уроки, и мы уходили домой позже. Как-то случилось, что мой товарищ не пришел, учительница провела дополнительные занятия только со мной. Говорят, нет худа без добра. На этом уроке мы с Саей впервые стали говорить дружески и посмеялись вдоволь.

— Водить трактор можете, но не знаете деталей, их взаимодействия, — сказала она и показала одну деталь. — Это поршень. А это что? — Она взяла деталь, похожую на большое кольцо.

— Это браслет, — сказал я.

— Это кольцо. Правда, напоминает браслет, но браслет. — он из серебра. Кольца бывают самые разные. Например, вот это, — она подняла небольшое колечко. — Как вы его назовете?

— Я бы назвал — сережка.

Сая весело рассмеялась:

— Браслет... сережки... Вы подбираете нежные, красивые слова. Согласитесь, это как-то не подходит к неуклюжему, огромному трактору.

¹ С а я — тень, прохлада.

— Но что делать? Не только названия хороших вещей, но и красивые хорошие люди, которые занимаются машинами, тоже не очень-то подходят к трактору.

Она улыбнулась уголками красивых губ, смуглое лицо порозовело.

Ца знаю что случилось, но с того дня я стал разбираться во всех деталях. Все трудное показалось мне легким.

Вскоре, заметив мои успехи, Сая похвалила:

— Молодец, товарищ Исаханов.

А я про себя думаю: «Ты молодец, это все из-за тебя...».

Однажды, когда дотемна засиделись на дополнительных занятиях, я пошел проводить Саю...

Человеку, всю жизнь бродившему по горам и степям, о чем-нибудь хорошем лучше поговорить на улице, чем в комнате. Сая жила у затона. Мне хотелось растянуть дорогу немного, на очень долго, но Сая спешила.

— Времени нет,— говорила она.— Я уже не страдаю от безделья, как девушки. У женщин так много домашних дел...

И все же дорогой мы разговорились. Она рассказывала, что была замужем, что мужу, артисту, не понравилась ее специальность, пришлось расстаться.

В роде Кызай очень ценили красноречие. Старики говаривали, что красноречив не тот, кто умеет складно говорить, а тот, кто умеет понимать с полуслова. Я рос среди них и научился кое-чему. Если молодая женщина начинает рассказ о своей жизни — это хороший признак, говорили они; это все равно, как если молодая лань не бежит в гору, а резвится у подножия. Я вспомнил слова стариков, и будто в сердце попали искры.

Я говорю с Саей вежливо и участливо. О том, что все мы, люди, часто ошибаемся в жизни, что я тоже не смог раньше устроить свою судьбу.

— Лучше поздно, чем никогда! — смеется Сая. Чувствую, что этот смех звучит мягче, чем прежде: столько в нем участия и смущенной нежности.

12

Весной прошлого года в первый раз я повел трактор по колхозным полям. В посевную мой трактор тянул четыре сеялки. Потом на склонах Сарышоки мы сажали картошку под урожай будущего года.

Я сажусь на трактор ранним утром и работаю, пока не спустятся сумерки и не заблестят крупные звезды. Люди хвалят: «дневную норму перевыполнил наполовину», «перевыполнил в два раза», «о, больше, чем в два раза!»

А мне кажется, что как бы хорошо я ни работал, а норму свою еще не выполнил. Без меня люди сделали очень многое, а я пришел потом, я — опоздал...

Теперь работаю на склонах Сарышоки, у подножия которого жили мои предки и где стоят их могилы. Мотор трактора работает, словно сердце бьется. Иногда под вечер на газике проезжает Мусагалиев. Он глядит на часы.

— На сегодня довольно, отправляйся домой. Твоя Сая уже, наверно, заждалась.

Еще раз объезжаю поле и останавливаюсь, как всегда, с первыми звездами. Может быть, так смогу загладить свое опоздание...

Иногда кажется, что у этого Мусагалиева есть дар угадывать мысли. Он сказал как-то:

— Не жалею, что опоздал, Даулетхан. Ты немало приносишь пользы. Я говорю не только о твоей работе. Кроме тебя в колхозе прибавился еще один специалист.

Это он про Саю. Она работает тут механиком.

Признаться, в этом немало и его заслуг: если б Мусагалиев не указал правильного пути, у меня не было бы ни специальности, ни Саи.

Верно говорят казахи: «Пока семья не прибавится, ничего не прибавится». Нас теперь не двое, а трое. В тихую после трудового дня летнюю ночь между мной и Саей лежит наш сын. Он родился в прошлом году. Его назвали Найманом.

13

Летом в комнате жарко, поэтому спим в саду. Вот над нами, у вершины Сарышоқы, стоит молодой серп месяца; кажется, в эту ночь все звезды глядят на нас. Доносится аромат родной земли. Сая и Найман сладко спят. А я, хоть тело и ноет от работы, не могу заснуть: все думаю. Мысли уводят в прошлое, вижу отца, и мать, и сестру Нурипу, и Кокаяка, и наше путешествие в Гималаи; тогда мы искали аул Рыскельды, где «спят без забот, где без присмотра пасутся кони, где женятся без калыма...»

Я до сих пор помню сказку, которую рассказывал когда-то старик китаец. «Счастье, оказывается, голубая птица,— говорил он.— Один глупец годами искал эту голубую птицу на чужой стороне. А когда, голодный и оборванный, вернулся домой, голубая птица сидела на крыше его дома».

С этим я и заснул, а когда проснулся, звезды уже меркли, занималась летняя заря. Чтобы не разбудить Саю и Наймана, я тихо встал с постели. На траве лежала роса. Я укрыл их одеялом, чтобы они не простудились.

Умылся холодной водой и надел рабочую одежду. Потом попил из горшка холодного молока и пошел к своему трактору: теперь он был моим другом-конем, таким же другом, каким был Кокаяк для отца.

КАЙРАЛАП- РАСПРОСТРАНТЕЛЬ

К

айралапа я знаю давно, знал еще тогда, когда его называли чернобородым Кайралапом. а теперь его борода бела, как гора Каракойтас в снежную зиму. и сколько я его знаю, всегда Кайралапа называли в ауле «распространитель «Правды». Меня удивляло: почему распространитель?

Для объяснения пришлось вернуться на много лет назад, в маленький поселок — пять-шесть дворов, проводивших зимовку на склоне горы Каракойтас.

...Снег сыпал всю ночь и к утру словно белым руном покрыл все вокруг.

Чернобородый Кайралап неторопливо сгребал снег перед воротами и что-то сердито бормотал.

Алмалык, шедшая от колодца, поставила ведра на снег.

— С кем ты разговариваешь? — спросила она мужа.

— Слухи меры не знают, — сердито ответил Кайралап. — Говорят, что железный поезд пойдет через Каракойтас. Так я и поверил! Ложь тоже надо держать за изгородью...

— Это не слухи и не ложь, — возразила Алмалык. — Семипалатинские ящики ночевали у молда-джигита. Они говорили, что так написано в газете, и оставили ему одну газету...

Кайралап решительно воткнул лопату в снег, плотнее запрясал поношенную коричневую купу и зашагал к дому своего брата Каптагая. Его называли молда-джигит потому, что он был один грамотей во всем ауле.

Каптагай с поклоном встретил старшего брата, постелил ему одеяла на почетном месте, распорядился насчет чая.

Беседа началась, по обычаю, с расспросов о здоровье родных. Когда Кайралап наконец задал брату интересовавший его вопрос, Каптагай достал газету. Ямщики читали ему то, что написано в ней о постройке Туркестано-Сибирской железной дороги. Но не так-то легко было молдаджигиту найти, на каком месте это написано. Газетные страницы часто испещрены словами, похожими на муравейник, и ни он, и никто в ауле не может в них разобраться. Совсем небольшие странички, а кажутся чем-то вроде необозримых степей, раскинувшихся между Каракойтасом и Чингисскими горами. Но где бы ни затерялись на этой равнине лошадь, овца или даже козленок, братьям куда легче найти их, чем нужные слова на странице газеты.

Каптагай не отрывал глаз от газеты, но говорил то, что слышал от ямщиков.

— Поезд пройдет через Каракойтас, Айгаржал, Лепсы. Дорогу зовут Турксиб... Кочевник-казах скоро пересядет с верблюда на Турксиб...

— Как расписывают! Неужели этому можно поверить! — со смехом сказал Кайралап, но газету по праву старшего брата все-таки забрал домой и, осторожно завернув в мягкую тряпку, спрятал в сундук.

Много раз — до весны — Кайралап, щуря глаза, говорил, что его рыжий верблюд еще долго будет носить своего хозяина, а когда бывал сердит, кричал ему:

— Э-э, шагай ты, Турксиб!..

А весной вместе с птицами в Каракойтас прибыли первые разведчики строительства Турксиба. Кайралап еще не успел как следует познакомиться с этими джигитами, угощая их айраном и чаем, как появились землекопы, путе-прокладчики, инженеры — много разных людей.

Кайралап, как и все в ауле, тоже не остался сидеть сложа руки. Запрягли верблюдов в телеги с коробками и стали возить на строительство дороги щебень, песок, гравий. Кайралап понимал работу скотника, табунщика, чабана, косарей. Теперь же он стал привыкать и к таким словам: кочегар, стрелочник, машинист.

Джигиты из Каракойтаса и Айгаржала стали отправляться на курсы кочегаров, стрелочников и машинистов будущей дороги...

Сын Кайралапа Джуман поехал учиться на машиниста, а сын его брата Каптагая — Тохтар — на курсы машинистов. Отъезд их был особенно торжественным событием. Они уехали в сторону Семипалатинска на впервые проложенных рельсах — в вагонетке. Это была дрезина, не поезд. Но это был уже поезд...

С десятником рельсоукладчиков, тощим чернявым джигитом из Семипалатинска по имени Актай, Кайралап быстро сдружился.

Раз он угостил его кумысом и, достав из сундука сверток с газетой, протянул ее Актаю.

— Прочти, пожалуйста, что написано здесь о железной дороге, — попросил он.

Актай стал читать вслух.

— Все ясно, — промолвил Кайралап, поглаживая кругленькую бородку, — теперь скажи-ка, есть ли здесь что-нибудь о верблюде?

— О верблюде? — переспросил Актай. — Да, аксакал, тут написано, что кочевник-казах переседет с верблюда на Турксиб.

— Пересели же, — сказал Кайралап радостным голосом, — разве наши Джуман и Тохтар не поехали в Семипалатинск на этом самом Турксибе? Что это за газета?

— «Правда», — сказал Актай и повторил это слово по-казахски — акикат.

— Выходит, я не знал, что это сущая правда.— С этими словами Кайралап взял в руки «Правду».— Оказывается, нельзя ее так складывать: сгибы быстро изнашиваются.

Затем он бережно сложил газету и снова положил ее в сундук.

— Хоть бумага изнашивается, но слова ее никогда не изнашиваются,— сказал Кайралап. Он был большим любителем изречений

Аулы, расположенные в урочище Параконтаса, организовали у себя колхоз. Всем памятен тот день, когда они собирались дать ему название.

— Давайте назовем «Каракойтасом»,— подал кто-то голос.

— «Алап жана» («Новая жизнь»).

— По-моему, лучше «Оркен» («Возрождение»).

Тут в разговор вступил аксакал Кайралап.

— Самым лучшим названием для нашего колхоза будет «Правда»! — громко сказал он.

— Объясни, пожалуйста, дорогой, что-то мы не понимаем... — зашумели некоторые.

— Что же тут непонятного? «Правда» писала, что кочевой народ оседляет Турксиб, и все вы хорошо видите, что эти вещие слова сбылись. Вот вам и правда. Смотрите сами, я все сказал...

Тут уж и все собрание, и представитель райкома партии поддержали предложение Кайралапа.

Так с первого дня существования колхоз стал носить имя газеты—«Правда». Потом здесь и детский сад, и средняя казахская школа стали называться этим именем. Вот почему здешние люди называют Кайралапа распространителем «Правды».

ЖАГАЛБАЙ КОПЖАСАРОВИЧ

и не стар, но и не молод, не строптив характером, но и не покладист. Прежде чем подписать какую-нибудь бумагу, долго хмурится и шевелит бровями, а подписав, обязательно вздохнет и многозначительно скажет:

— Н-да!..

Любит Жагалбай Копжасарович устраивать подчиненным совещания и на них проносить речи. Перед тем как выступить, он внимательно выслушивает предшественников, подперев жирный подбородок кулаком и постукивая толстым красным карандашом по стеклу на столе. На озабоченном лице его написано: давай, братец, болтай, но вот доберусь я до тебя, и ты узнаешь, что значит Копжасаров.

Совещания проводились часто, и Жагалбай Копжасарович завел себе личного секретаря и стал называть его референтом. Перед очередным совещанием он вызывал его к себе и с озабоченным видом говорил:

— Приготовь мне выступление... Обрати особое внимание на политическую остроту и текущий момент. Бичуй, но... э-э-э-так помягче, чтобы человек не обиделся, но и почувствовал... Понял?

Референт, здоровый краснощекий парень, окончивший какой-то институт, почтительно склонял голову, что по его мнению значило: разве можно вас не понять, дорогой начальник?

— Иди! — устало махал рукой Жагалбай Копжасарович и, откинувшись на спинку стула, долго размышлял о

том, какая громадная ответственность лежит на его плечах, что каждому подчиненному надо рассказать, растолковать, иначе он нагородит такое, что сам аллах потом не разберет что к чему.

Если Жагалбаю Копжасаровичу долго не звонят те, кто сидит выше его, он начинает волноваться, выискивает причину и звонит сам. При этом он так плотно прижимает трубку к уху, словно она для него — все, и на лице его трепещет медовая улыбочка. Это бывает так, что, разговаривая, он держит трубку на отшибе, будто она надоела ему, как зубная боль, еле шевелит губами и морщится. Такие разговоры он обычно заканчивает внушением:

— Я, как руководитель, напоминаю вам: будьте внимательны и не забывайте, что, в конечном счете, я отвечаю за вас... Да, учтите это...

Жагалбай Копжасарович руководит учреждением областного масштаба. Через него, это учреждение, как через пересылный пункт, проходят бумаги, которые приносятся и присылаются сверху.

Бумаг бывает много, и Жагалбай Копжасарович в такие дни чувствует себя великолепно. Он то и дело вызывает секретаря, просит чаю и приказывает никого не пускать к нему, потому что он занят по горло.

Придя домой в такие дни, Жагалбай Копжасарович переодевается с помощью жены в пижаму, ложится на диван и закрывает глаза с таким видом, будто собирается на-злом всем умереть.

Жена ходит на цыпочках и то и дело заглядывает в детскую и шепчет:

— Тихо, папа отдыхает!..

Однажды Жагалбай Копжасарович вскрыл один конверт, полученный из министерства, и почувствовал что-то вроде легкого сердечного приступа: в присланной бумаге ему, Копжасарову, предлагалось навести порядок в подве-

домственном ему учреждении, которым руководит «товарищ Иманалин».

Когда страх прошел, Жагалбай Копжасарович стукнул кулаком по столу и сказал:

— Не потерплю!

Целый день пропадал он со своим референтом у Иманалина. Вернулся злой и сразу же начал давать указания референту на сочинение грозного приказа. В нем, приказе, было все и «ввиду отсутствия необходимых предположений» и «вопреки моим указаниям», и «в случае повторения», и прочее. Кто знает, сколько бы еще кипел в благородном гневѣ Жагалбай Копжасарович, если бы не телефонный звонок. Позвонил Иманалин и пригласил на чашку чая. Жагалбай Копжасарович положил трубку и в глубоком раздумье зашагал по кабинету. Референт, дымя папиросой, ждал.

— Н-да! — проговорил наконец Жагалбай Копжасарович и указал референту на его бумаги. — Ты, пожалуй, отложи все это до завтра... Надо еще подумать... И с Иманалиным побеседовать. Главное в нашем деле что? Воспитание и воспитание.

У Иманалина оказался не только чай, но и коньяк, и бесбармак. Сам хозяин виновато вздыхал, покаянно взглядывая на начальника, и, казалось, готов был вот-вот расплакаться. Зато жена его Гаухар, белолицая дебелая красавица была так весела и приветлива, будто ее мужу не только ничего не грозило со стороны гостя, а наоборот: он как будто снизошел к ее супругу и должен был вынести ему самое малое — благодарность.

— Н-да! — сказал Жагалбай Копжасарович, когда выпили по первой рюмке и принялись за бесбармак. — Значит, Иманалин, ты съел лошадь из детского сада, на которой ребятишки возили продукты?

Хозяин дома икнул и побледнел.

— Списал, — пробормотал он еле слышно. — По старости... Думаем купить другую...

— Кушайте, кушайте дорогие гости! — заворковала над ухом Жагалбай Копжасаровича жена хозяйина. — О делах после поговорите.

Выпили еще и на мясо налегли основательно. Хозяйка подложила под бок начальнику своего мужа еще одну подушку и подлила ему из бутылки, опоясанной венцом из пяти звездочек.

— Какой прелестный малыш! — расплылся в улыбке Жагалбай Копжасарович и потрепал по щеке хозяйского малыша, который добрый час вертелся около него, но которого он до сих пор почему-то не замечал. — Ты, Иманалин, счастлив, что имеешь такого ребенка... Так что я тебе хотел сказать? Напиши-ка, братец, объяснительную, что лошадь состарилась и... сам понимаешь... — Жагалбай Копжасарович повертел растопыренными пальцами над головой и подмигнул подчиненному.

Иманалин согласно закивал головой и подложил гостю самые жирные и сочные куски мяса. Гаухар, кокетливо улыбаясь и поблескивая серьгами в розовых мочках ушей, подлила еще. Жагалбай Копжасарович незаметно ущипнул ее за локоть и сказал:

— Ты, Иманалин, всю лошадь съел или...

Иманалин провел ладонью по гладковыбритой голове и покосился на начальника заплывшими глазками.

— Доедаем...

— То есть как это доедаем? — Жагалбай Копжасарович взметнул кверху брови, округлил глаза.

Иманалин кивнул на блюдо, наполовину опорожненное Копжасаровым.

— Вот, остатки...

— Г-да! — сказал Жагалбай Копжасарович и снял с колен хозяйского малыша. Он встал, прошелся по комнате,

шевели бровями и наклонив голову. И с высоты своего выше среднего роста приказал референту: — Приказ сделаешь так, как я сказал. И завтра же дашь на подпись!..

... Когда отяжелевшего от выпитого и съеденного Жагалбая Копжасаровича усаживали в машину, он говорил референту, нагруженному свертками и бутылками:

— Так приказ того, помягче сделаешь... В нашей работе что главное?.. Воспитание... Да!..

Хороший человек Жагалбай Копжасарович. И хорошо с ним работать. Жаль только, что сам он сейчас не работает. Сняли...

На свадьбе дочери Галии старый чабан Еламан сидел рядом с молодым сватом из города, преподавателем физики. Молодежь веселилась, и аксакал, благодушно оглядывая шумную компанию, слушал молодых людей. Сколько они произносили умных слов, непонятных ему, старику! Вот и преподаватель то и дело говорит «аксиома», «аксиома». А что значит это слово? Правильно говорится: «Век живи — век учись...»

Во время танцев старик подсел к физики, вкрадчиво спросил:

— Сынок, вот ты все говоришь: «аксиома», «аксиома». А что это за слово? Объясни мне.

Физик пожал плечами, улыбнулся.

— Аксиома, аксакал, значит истина, не требующая доказательств. Вот скажем: ваша Галия выходит замуж. Это такая истина, о которой и спорить не стоит. Поняли?

— Понял, сынок, понял. Спасибо за науку.

Понравилось новое слово старому Еламану, и он прочно присовокупил его к своему словесному богатству. Во время окота, погладив седые усы, поднимал указательный палец вверх и многозначительно изрекал:

— В нынешнем году от каждой сотни маток мы получим по сто сорок ягнят. Это — аксиома.

Если небо заволакивало густые черные тучи и ветер стихал, старик говорил:

— Будет дождь. Это — аксиома.

И заметил, глядя на дружные всходы пшеницы на полях:

— Урожай будет отменным — аксиома!

2

Пришло время, и Еламан перешел на пенсию. Но не сиделось старику дома: сам себе казался дармоедом. Всю жизнь проработал и вот на тебе — сиди дома без дела, без кося, на котором провел почти всю свою жизнь. Когда становилось неумоготу, старик брел к конторе совхоза.

Почти каждый день, видя согбенную фигуру чабана под окном своего кабинета, директор совхоза Абраменко как-то подумал: «Скучает старик, надо пристроить его на какую-нибудь работу». И окликнул его:

— Зайдите ко мне, аксакал. Поговорим.

Еламан согласно кивнул головой, с радостью поднялся по свежеструганным ступенькам крыльца и вошел в контору.

— Ведь это аксиома, аксакал, — без дела сидеть дома скучно? — пожимая старику руку и улыбаясь, сказал директор.

Еламан улыбнулся в ответ и присел на диван.

Шагая по кабинету и поглаживая свою чистовыбриту голову, директор заговорил:

— Отец, хочу предложить вам легкую работу. В ущелье Шаткал шесть человек из сельскохозяйственного института проводят опыты. Не можете ли вы один раз в день отвозить им горячие обеды?

Знал старый Еламан, что до ущелья и пешком-то трудно добраться, а на лошадях, да еще с грузом — тем более. Опершись на палку, подумал и спросил:

— Разве для опытов мало ровной степи, что они забрались в горы?

Директор сел за стол, посмотрел на свои коричневые от загара и труда руки.

— Они создают сорт пшеницы, который в условиях наших гор будет давать высокие урожаи... Если согласны с моим предложением, даю вам «секретное» задание: присмотритесь ко всем шестерым, кому из них можно доверить должность главного агронома нашего совхоза?

Еламан согласился с предложением. Особенно пришлось ему по душе «секретное» задание: все-таки не кому-нибудь, а ему поручили подобрать главного агронома. Значит, его ценят, считаются с его мнением. Аксиома!

3

Теперь каждый день, когда время близилось к обеду, Еламан снова седлал своего карего. В столовой ему наливали в один термос супу или борща, в другой складывали котлеты. Термосы он укладывал в объемистые коржуну, крепко приторачивал их к седлу, и умный конь нес его по узким, обрывистым тропинкам к Шаткалу.

Опытники жили в двух палатках среди небольшой, пестрой от цветов и травы долины. В одной — две девушки, в другой — четверо парней. Как ни приглядывался к ним старик, все они ему казались одинаковыми, с лохматыми прическами, в узких брюках, рубашках, смахивающих на женские кофты; они походили на детей одной матери, которая, вероятно, не совсем внимательно занималась их воспитанием.

Не знал старик сущности их опытов, но, приглядываясь к ним, догадывался, что времени они зря не теряют. Сидя поодаль и наблюдая, как опытники обедают, он думал: «Аксиома — только тот, кто хорошо поработает, может так аппетитно есть».

И немного обижался старик на своих новых знакомых:

зачем девушки носят брюки, да еще такие узкие, что они, кажется, вот-вот лопнут на бедрах, и губы красят, не стесняясь ни его, старика, ни своих товарищей.

Как-то раз, укладывая в коржуну пустые термосы, Еламан попробовал разговориться с одним из джигитов.

— Сынок, где ты родился?

— В Целиноградской области.

— А из какого ты рода, дорогой?

Джигит засмеялся, сбросил с сигареты пепел.

— Не знаю я родов, отец. Я казах.

Улыбнулся и Еламан.

— То, что ты казах, — аксиома. Я спрашиваю про твой род, из каких ты казахов: или из рода Атыгай, или Караул, или Керей?

Со снисходительной улыбкой глядя на аксакала, юноша ничего не ответил. Кряхтя, взобрался Еламан в седло и тронул коня. «Не знает ни рода, ни обычаев — даже на коня не мог сесть», — с неприязнью подумал он о джигите.

4

Снова зазвал как-то в контору аксакала директор Абраменко, по-дружески завел с ним разговор.

— Ну, как новая работа? Справляетесь?

— Раз в день отвожу горячий обед в горы. Курильщикам покупаю папиросы.

— А «секретное» задание как?

Старик долго молчал, перебирая пальцами жидкую бородку, потом, вздохнув, ответил:

— Аксиома: ни одного порядочного человека среди этих опытников нет.

Директор удивленно вскинул густые белесые брови, откинулся на спинку стула.

— Чем же они вам не нравятся, отец?.. Лодыри или горлодеры?

— Этого я не говорил, — уклончиво ответил Еламан. — Непонятные они... Одеваются не совсем прилично, наших старых обычаев не знают.

Абраменко рассмеялся.

— Ну, отец, по этим недостаткам о людях судить нельзя. Понаблюдайте еще, может быть, мнение ваше изменится.

Еламан тяжело поднялся, хлестнул плеткой по голенищу сапога и вышел из кабинета.

5

Почти месяц доставлял Еламан горячие обеды в ущелье Шаткал. И вдруг молодые опытники однажды не дождались старика. А случилось вот что. Табунщик сказал ему:

— Аксакал, пусть ваш карий отдохнет, он совсем отошал. Я вам дам другую лошадь.

Табунщик вручил повод Еламану от рыжего иноходца с густой длинной гривой. Конь оказался пугливым. В легком пути у него из-под ног вдруг с шумом выпорхнула перепелка. Иноходец взвился на дыбы, сбросил Еламана и рванулся назад, в табун, дребезжа термосами.

Старик вскочил, попробовал остановить коня и снова упал, почувствовав нестерпимую боль в правом бедре... «Если бы ноги мои не выскочили из стремян, мне бы был конец. Это — аксиома», — подумал Еламан, лежа на здоровом боку.

Несколько раз он пытался подняться, но падал, подковыкаясь болью, от которой темнело в глазах.

Через час его подобрала возчики молочной фермы и почти обессиленного отвезли домой.

К вечеру Еламана на директорской «Волге» отвезли в районную больницу. Врачи осмотрели его ногу, сделали несколько уколов и уложили в постель. Всю ночь больной не сомкнул глаз от боли. И только под утро забылся в недолгом сне.

Проснувшись, старик подумал: «Шайтан меня возьми, ведь те шестеро вчера остались без обеда. Жалко!.. Наверное, ругают меня, землю топчут от зла и говорят: нарочно старый дьявол оставил нас без обеда... Не знает, что со мной случилось...» Грустно стало Еламану, хотя боль в ноге прошла и рана, как сказали врачи, была не опасной.

6

В воскресенье его пришли проведать жена, невестка, сын и другие родичи. Старуха всплакнула, но вскоре успокоилась, узнав, что нога цела и только слегка повреждена.

После обеда, проводив родных, Еламан собрался сойти, но подошла дежурная сестра и сказала:

— К вам снова гости, целая компания джигитов и девушек. Можно им войти?

— Конечно! — обрадованно ответил Еламан. — Пусть заходят! — И подумал: «Кто бы это?»

Осторожно ступая, в палату вошли в белых халатах шестеро с Шаткала — четверо джигитов и две девушки. Они по очереди поздоровались с аксакалом, пожимая ему руки и желая быстрее выздоровления. Девушки вручили больному букеты полевых цветов.

Еламан много получал подарков за хорошую работу: и коней, и красивые халаты. Но цветы ему дарили впервые, и он вертел букеты в руках, не зная, что с ними делать. Потом положил цветы на подоконник, поцеловал девушек в лоб и растерянно произнес:

— Спасибо, родные. И, пожалуйста, извините, что я оставил вас без обеда.

— Это ерунда, отец. Главное — вы живы остались, — сказал джигит, который не знал, из какого он рода. — Быстрее выздоравливайте и возвращайтесь в совхоз. В честь вашего возвращения мы закатим большой той.

— Спасибо, милые, долго живите! — растроганный до слез, тихо произнес Еламан. — Той я сам сделаю и вас позову. Только бы поскорее отсюда выбраться.

Навестил в этот день больного старика и Абраменко. Справившись о здоровье, он сообщил:

— Мы объявили выговор табунщику за то, что он вам дал необъезженного коня.

Еламан махнул рукой.

— Не надо было этого делать. Я сам виноват, что не выбрал себе лошадь. — И рассказал, как его посетили шестеро с гор.

Директор прищурился в теплой улыбке, хитро спросил:

— Как, есть среди них достойный остаться в совхозе?

Еламан, не поняв иронии в вопросе собеседника, поспешно ответил:

— Все они достойны работать в нашем совхозе! Это аксиома.

МОЯ ЧЕРНОГЛАЗАЯ СЕСТРА

Я услышал это имя совершенно случайно. Мы собрались однажды вечером в доме Исатая, моего старого приятеля. Разговорились. Вдруг до меня долетела фраза:

— Бопетай, голубушка, помолчи хоть минутку, дай и другим слово сказать.

Тут я, наверное, здорово удивил и гостей, и хозяев. Поставил на стол недопитую чашку с чаем, вскочил и, чуть ли не наступая на ноги сидевшим, стал пробираться к пожилой женщине, которую просили помолчать.

— Вас зовут Бопетай?

Женщина смотрела на меня с веселым недоумением.

— Да, а что такое?

— Вот как... У вас имя... хорошее очень.

— Хорошее? Может быть... Во всяком случае я на него не жалуясь, — улыбнулась Бопетай.

— А вы не знаете человека по имени Атымтай?

— Одного по крайней мере знаю. Это мой родной брат.

— Ваш брат? А где он? То есть я хочу спросить, где он живет?

— На Речной улице.

Женщина назвала адрес.

— Он был на фронте?

— Да...

Не замечая любопытных взглядов, я сорвал с вешалки свой плащ и выбежал. Не очень-то вежливо, правда? Ну

что ж, я расскажу, почему так вышло, а вы рассудите, мог ли я поступить иначе.

В середине лета мне дали путевку в один прибалтийский санаторий. Я собрался в путь, обрадованный тем, что по дороге повидать в Вильнюсе фронтového друга, литовца Ионаса, который жил там. Он писал мне, что преподают в университете, женился. Звал в гости.

Я отправил Ионасу телеграмму, но в душе сомневался — не зря ли беспокою его? Пятнадцать лет прошло, кто знает, как встретимся. Опасения мои оказались напрасными. Ионас подбежал ко мне на вокзале, мы обнялись и почувствовали, что нам по-прежнему легко и хорошо.

Он изменился, конечно. Постарел. Да и я, наверное, тоже. Подошла жена Ионаса. Протянула мне цветы, улыbnулась мягко, просто. Ионас стал меня уговаривать не спешить с отъездом в санаторий.

— Останься, посмотришь Вильнюс. Ты ведь был здесь во время войны. Теперь город совсем другой...

И я остался. Мы часами бродили по улицам. Как-то раз Ионас остановился у афиши кинотеатра.

— Смотри, идет «Амангельды». Это же ваш фильм, казахский. Пошли?

И вот мы в зрительном зале. Полился стремительный поток знакомой мелодии. На экране раздольная степь, дорога сердцу казаха Сары-Арка. Рядом со мной сидели две девушки. Они тихо переговаривались по-русски.

— Я эту картину смотрю второй раз.

— Интересная?

— Да, но я не только поэтому. Мне эти степи родные, понимаешь?

«Неужели казашка?» — подумал я и попытался разглядеть лицо девушки. Но было темно.

Я уже не смотрел на экран, а все ждал, когда загорится свет. Сеанс закончился. Зал зашумел, задвигался. Мои со-

седки пошли к выходу, и я за ними. Одна из них, та, что говорила о степи, была черноглазая, румяная, с открытым лицом. Волосы у нее были тоже черные и очень густые. Шла она мелкими, частыми шажками, и оттого казалось, что она не идет, а танцует. А подружка ее была светловолосяя, коротко остриженная полненская девушка.

— Ты что загляделась? Уши не заморочился ли? — пошутил Ионас.

Я промолчал, а дома объяснил Ионасу, почему я так внимательно смотрел на черноглазую девушку. Он обрушился на меня с упреками.

— Чудак ты, право! Ясно, что она казашка. Почему же ты не заговорил с ней? Как же можно упустить такой случай? Да я бы на твоём месте...

Он помолчал, потом решительно сказал:

— Мы ее обязательно разыщем. Ее подругу я, по моему, видел в университете. Кажется, она учится на физмате. Найдем твою черноглазую, не беспокойся. А пока давай ужинать...

На следующий день в общежитии университета мы отыскиали ту полненскую кудрявую девушку.

— С кем я была вчера в кино? Это моя подруга, Онуте Милюнайте. Мы в школе вместе учились. Я потом поступила в университет, а она не прошла по конкурсу, работает.

— А где? — спросил Ионас. — Мой товарищ хочет непременно с нею познакомиться. Очень она ему понравилась, — пошутил он.

— Она не в Вильнюсе живет, а в селе. Учительствует там. В город приезжала на несколько дней, хочет снова попробовать поступить в университет. Вчера уехала к себе, это около Седы.

— Онуте Милюнайте... Скажите, она литовка? — спросил я.

— Она... казашка. Ее жизнь сложилась не легко.

Это все, что нам удалось узнать. Ионас о чем-то еще поговорил с девушкой по-литовски, потом обратился ко мне.

— Ну как, будешь разыскивать свою сестренку или поедешь в санаторий?

— Поеду в санаторий, пожалуй. Не могу же я объехать всю Литву в поисках этой девушки.

Ионас ничего не ответил, но когда мы вышли из общежития, он вдруг сказал:

— Все же это интересно... Как хочешь, но я сам ее разыщу.

Дома только и разговоров было, что об Онуте. Ионас пилил меня и всячески подзадоривал.

— Какой же ты литератор, если не интересуешься такой загадочной судьбой?

Я наконец сдался.

— Найду, найду свою черноглазую сестренку. Завтра же утром отправлюсь в Седу.

В Седу я ехал и поездом, и автобусом, а до села прошел еще шесть километров пешком. Добрался только в полдень и направился прямо в школу. Там шел ремонт. На лестнице стоял рыжеволосый человек средних лет. Я спросил его об Онуте. Он долго разглядывал меня. Кажется, не нашел ничего предосудительного, и тогда ответил вопросом на вопрос:

— Как вы думаете, можно во время ремонта застать учительницу в школе?

— А где она живет?

Человек показал на двухэтажный дом и добавил:

— Впрочем, учителя собирались поехать на субботник на цементный завод. Она, должно быть, тоже уехала...

Я подошел к дому, где жили учителя, и поднялся на второй этаж. Уборщица показала мне комнату Онуте, дверь была закрыта

— Она уехала со всеми на завод. Вернется к вечеру, зайдите тогда. Вы что, издалека?

— Да.

— В садике можете подождать. Столовая у нас тут есть, магазин...

Я не пошел ни в садик, ни в столовую. Присел в тени на бревнах, чтобы не бросаться в глаза любопытным. Уборщица сжалилась надо мной. Из окна она крикнула:

— Что вы там сидите на улице? Идите, я открою вам комнату Милюнайте.

И вот я в комнате Онуте. Чисто. Мебели немного. Против полуоткрытой балконной двери большая книжная полка. Книги на русском и литовском языках. Вот русско-казахский словарь. И, кажется, все русские и литовские издания ауэзовского «Абая» собраны здесь. Есть и другие книги о Казахстане.

Так я знакомился с хозяйкой комнаты заочно. И вот в коридоре послышались шаги, голоса. Дверь распахнулась. Черноглазая незнакомка стояла на пороге. Мне показалось, что она недовольна моим посещением. Брови нахмурены, лицо серьезно. Одета в рабочий костюм — резиновые сапоги, черные сатиновые шаровары, на голове косынка.

— Вы меня ждете? — холодно спросила Онуте.

Я начал объяснять, зачем приехал. Онуте слушала молча, но лицо ее то бледнело, то краснело. Она волновалась. И вдруг спросила по-казахски:

— Вы казах, ага?

Произношение ее было почти правильным.

— Конечно, казах.

Онуте смотрела на меня в упор. На глаза ее навернулись слезы.

Мой плащ и кепка лежали на стопке книг у стены. Онуте повесила в шкаф мои вещи. Я решил выйти, чтобы она могла переодеться.

— Вы надолго? — на этот раз по-русски спросила Онуте.

— Нет, пройдуь немного.

— Не уходите далеко, — попросила она.

Вернувшись, я увидел Онуте на лестнице. Она ждала меня, принаряженная, красивая. За ужином мы долго молчали, потом Онуте спросила:

Как вы доберетесь сюда из Селы?

— Пешком.

— Ой, ведь это далеко!

— Что вы, всего шесть километров.

— Всего? Хотя вам, наверно, это показалось близко. Ведь в нашем Казахстане расстояния другие. Бескрайние степи! Вы, наверно, не раз ходили по ним пешком.

Ее слова вернули меня к прежним мыслям.

— Онуте, вы казашка? — спросил я.

— Да, — негромко ответила она...

— Как вы очутились в Литве?

Но Онуте переменяла тему и только позднее, когда я еще раз заговорил об этом, сказала:

— Не обращайтесь ко мне на «вы», хорошо? Я знаю из книг, что у казахов это не принято. Вообще я много читала о своей земле, о своем народе. Только книги и связывали меня с Казахстаном. А сегодня приехали вы, первый человек из родных краев. Я хочу считать вас братом. А история моей жизни... О ней лучше расскажут мои родители

— Твои родители? Где же они?

— Они живут недалеко, на ферме, километров семь-восемь отсюда. Я могу вас проводить.

— Хорошо. Я готов хоть сейчас идти.

— Нет, завтра утром.

— Ну, пусть будет по-твоему.

«Значит, у Онуте здесь есть родители. Тогда почему она говорит, что я первый, кто связал ее с родным народом?..»

Я проснулся рано, но Онуте уже встала. Улыбаясь, она поздоровалась со мной.

... Ферма стояла на берегу озера, в лесу. Здесь повсюду леса и озера, природа на них не поскупилась!

— Вон наш дом,— Онуте показала рукой на опушку леса.— Отец работает в кузнице.

Пожилой уса́тый человек издали увидел нас. Он оставил работу и поспешил навстречу. Из дома выбежала старушку, кинулась обнимать девушку. Я стоял в стороне, чтобы не мешать. Но вот и на меня обратили внимание.

— Казис Милунайте,— сказал отец Онуте и повернулся к жене,— это моя Стасе.

Онуте быстро рассказывала что-то по-литовски. Должно быть, обо мне. Когда она кончила, ее отец подошел и обнял меня.

— Вы, оказывается, сородич нашей Онуте. Будьте и для нас близким человеком.

Обед закатили на славу. Собралось много народу. Мне не терпелось расспросить Казиса о дочери, но старик остановил меня:

— погоди, пусть люди повеселятся. Вот разойдутся гости, Онуте с матерью лягут спать, тогда и поговорим.

Ночью мы сидели с Казисом вдвоем у стола. Старик не спешил начать рассказ, долго курил, думал.

— Помнишь двадцать второе июня сорок первого года?— спросил он.

— Еще бы не помнить!

— Ну, слушай... Ты в партии?

— Да.

— Хорошо. Я тоже. Еще в тридцать девятом вступил, при Сметоне. А руководителем нашей организации был тогда товарищ Палецкис. Знаешь его?

— Знаю.

— Ну вот... На войне ты был?

— Был.

— Значит, имеешь о ней представление, как говорится. Сколько людей погибло в первые же дни! В Каунасе не успели выстроить мост, немцы ворвались в город. Танки, мотоциклисты... Я решил уйти из города. Нашел старого жеребца, запряг в старую тележку. Сложили со Стасе на тележку кое-какие вещи и двинулись на восток.

Мы шли по окраине Каунаса. Улица была пуста. После сорокового года здесь жили семьи советских командиров. Они эвакуировались. Вдруг из горящего дома донесся детский плач. Я забежал в дом. В комнате, где плакал ребенок, все было прибрано, казалось, что хозяева только что вышли. Должно быть, они погибли... Я позвал Стасе. Возьмем, говорю, ребенка. Она с радостью согласилась. У нас, беда такая, детей не было. Но ее беспокоило, как мы справимся с ребенком в такое время.

— Ничего, говорю, справимся.

Стасе достала из-под подушки вышитое полотенце, завернула в него девочку, потом в одеяло. Нас стало трое. Я сказал, что девочка теперь наша родная дочь и никому не надо говорить, что это приемный. Мы назвали ее Онуте...— Казис снова набил трубку.— Да... Онуте стала нашей жизнью. Мы даже представить себе не могли, как жили без нее раньше. Ночью, понимаешь ли, просыпались, слушали ее дыхание, целовали. Стасе ворчала, что я разбудю девочку колючей щетиной.

Казис посетовал, что не было у них раньше детей. «Нет, у такого человека много детей на земле. Рядом с ним не останешься сиротой».— Так думал я, слушая рассказ

А он продолжал:

— Онуте подросла и пошла в школу. В классе ее одна девочка сказала ей, что она, мол, не литовка, а цы-

ганка или еще кто-то, чужая, словом. Онуте прибежала в слезах. Я сказал, чтобы не обращала внимания на болтовню, а сам пошел к директору школы, поговорил с ним. Думаю, что ей еще не раз пришлось услышать обидное слово — чужая. Иногда она угрюмая приходила домой. Вот старуха моя (она женщина толковая) как-то и говорит мне: «Казис, давай расскажем Онуте правду. Лучше пусть узнает от нас, чем от других». Так мы и сделали. Онуте тогда училась в восьмом классе, ей шел шестнадцатый год. Выслушала она все молча, глаза затуманились. Мать обняла Онуте, заплакала...

Рассказать-то мы рассказали, но все-таки каялись немало. Онуте ходила сама не своя, грустная, задумчивая. А через несколько дней сказала нам: «Я и не хотела бы родителей лучше вас. Любовь вашу я оправдаю, верьте мне. Увидите, что приемная дочь не хуже родной». Онуте спросила только, кто такие, какой национальности были ее настоящие родители. Я ей сказал, что отец и мать у нее были казахи, отец служил в Советской Армии офицером, а вестей о нем никаких нет. С того дня Онуте стала читать книги про казахов. Теперь она, кажется, даже может говорить по-казахски.

— А каким образом вы узнали, кто ее родители? — спросил я.

Вместо ответа Казис вышел в соседнюю комнату, достал из сундука полотенце. Красным шелком на полотенце было вышито по-казахски: «В день рождения брату Атымтаю от Бопетай».

— В это полотенце завернула Стасе Онуте тогда, в сорок первом, — объяснил мне Казис.

— Как же вы узнали, что по-казахски написано?

— Узнал... не сразу, конечно, — улыбнулся Казис. — В сорок четвертом, когда немцев гнали на Запад, я расспрашивал солдат офицеров из Средней Азии, показывал

полотенце. Один офицер, смуглый, узкоглазый, на тебя похожий немного, прочел и перевел мне. Позднее Онуте и сама читала... Это у нас единственное доказательство.

Казис закончил рассказ, мы легли спать. Через два дня я стал собираться в путь. Во время завтрака я, полушутя, обратился к Онуте.

— Ну, Онуте, поехали в Казахстан?

Онуте ответила серьезно:

— И Литва, и Казахстан для меня родные места. Приеду, конечно, только не сейчас. А вас прошу, если узнаете что-нибудь о моих родных, напишите.

Провожала меня вся ферма. Мы обнялись с Казисом. Он поцеловал меня, уколол жесткими усами, и даже всплакнул.

— Разыщи родных Онуте. Ее радость — наше счастье.

Я долго и безрезультатно пытался разыскать родителей Онуте. Сделать это было почти невозможно: даже фамилия неизвестна... И вот какая радость, я напал на верный след!

Я почти бегу по Речной улице, нахожу нужный дом, спотыкаюсь на пороге и вхожу, не спросив разрешения. На диване лежит высокий человек. Он поднимается при моем появлении, спрашивает, кого мне нужно.

— Мне Атымтай! — только и сумел выговорить я.

— Я Атымтай.

— Скажите, где вас застала война? — не раздеваясь, я почти упал на стул.

— А вам это зачем? Впрочем, секрета тут нет. Война меня застала в Каунасе. А что?

— Вы там были с семьей?

— Да. Мать и дочь погибли во время бомбежки.

Атымтай побледнел, дышал тяжело, чувствуя, очевидно, что все это неспроста.

— Ваша дочь...

Атымтай так и обрушился на меня:

— Что?.. Что вы знаете о ней?

И большой, грузный, седой уже человек заплакал.

— Успокойтесь, она жива! Жива ваша дочка. Взрослая совсем... Умница, красавица.

Я все рассказал.

— Завтра же поеду к ней, завтра же!.. Я всю Литву исколесил. Потерял надежду. А теперь — Он снова подбежал ко мне, схватил за плечи громадными своими руками и так тряхнул, что у меня голова закружилась...

Вот как будто бы и конец истории. Остается добавить немного. Через год ясным осенним днем сидел я у себя дома. Открылась дверь и вошел Атымтай.

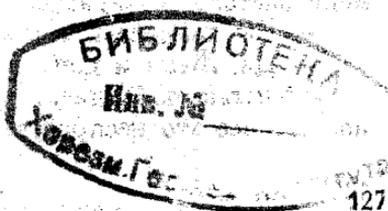
— Узнаешь? Мы ведь виделись всего один раз и то ночью...

— Узнаю, конечно. Ну как, нашли Онуте? (Я ничего не писал Онуте, хотел, чтобы встреча с отцом была неожиданной.)

— Вопросы потом будешь задавать,— улыбнулся Атымтай.— Сегодня вечером в восемь ждем тебя. Адрес не забыл?

В доме у Атымтая я увидел Онуте, и не одну. Казис и Стасе гордо восседали на почетных местах.

Мы обнялись с Онуте. Потом ко мне подошел старик Казис. Снова укололи меня его жесткие усы. И так тепло стало на сердце... Черноглазая моя сестра, как счастлива я видеть радость на твоём лице!

СОДЕРЖАНИЕ

Ненаписанная книга. Перевод Ю. Домбровского	3
Третья квартира. Перевод У. Улановского	23
Степной дождь. Перевод В. Антонова	39
Новоселье. Перевод И. Щеголихина	67
Дорога. Перевод А. Саутбаева	82
Кайрали-распространитель. Перевод М. Машакова	101
Жагалбай Кожжасарович. Перевод В. Антонова	105
Аксиома. Перевод В. Антонова	110
Моя черноглазая сестра. Перевод Л. Лебедевой	117

Жумаканов Жекен

МОЯ ЧЕРНОГЛАЗАЯ СЕСТРА.

Рассказы.

Пер с казахск. Алма-Ата, Каз-
гослитиздат, 1964, 128 с.

Редактор Н. Муханова

Оформление Е. Гилева

Худож. редактор А. Гурьев

Технич. редактор Л. Вальчук

Корректор Н. Шерман.

Сдано в производство 12/II-1964 г.
Издат. № 120. Подписано к печати
29/IV-1964 г. Бумага 70×108^{1/2}—
4 печ. листа—5,6 усл.печ. листа,
(Уч.-издат. 5,69 листа), УГ02426,
Тираж 50000 экз.
Цена 27 коп.

г. Алма-Ата. Типография № 2.
Главполиграфпрома Государствен-
ного комитета Совета Министров
Казахской ССР по печати,
Заказ № 955